

Дама моего сердца

Автор:

Ханна Хауэлл

Дама моего сердца

Ханна Хауэлл

Очарование (АСТ)

Гордый шотландский дворянин Камерон Макалпин поклялся жестоко отомстить распутному аристократу Пейтону Мюррею, обесчестившему и бросившему его младшую сестру, и похитил сестру самого Пейтона, леди Эйвери Мюррей, с намерением обойтись с ней точно так же. Увы, благородный Камерон просто не годится на роль гнусного насильника. А потому в сознании его возникает поистине дьявольский план: влюбить в себя Эйвери, соблазнить и сделать своей любовницей – на позор всему ее семейству.

Однако страсть – оружие обоюдоострое. И, обольщая Эйвери, охотник и сам не замечает, как все сильнее запутывается в собственных силках...

Ханна Хауэлл

Дама моего сердца

Hannah Howell

HIGHLAND KNIGHT

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Перевод с английского М. В. Кузиной

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Hannah Howell, 2001

© Перевод. М. В. Кузина, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Часть I

Глава 1

Франция

Весна 1458 года

– Зачем ты притащил сюда эту девку?

Бернар, высокий здоровенный детина, еще крепче обхватил мускулистой рукой свисавшую у него с плеча и не подававшую признаков жизни девушку и недоуменно взглянул на своего сеньора, сэра Чарлза Де Во.

– Я захватил ее во время набега, – пробурчал он.

– Я посылал тебя против Люсеттов не для того, чтобы ты хватал женщин! Их и так полным-полно шатается по округе, и они всегда готовы обслужить любого мужчину.

– Мы выполнили все, что вы нам приказывали, милорд. Я нашел эту девицу, когда мы уезжали от полыхавшего в огне замка Люсеттов, и подумал, что она как раз сгодится мне для оплаты долга.

– Это какого еще долга? – Сэр Чарлз почесал резко выступающий подбородок длинными, униженными перстнями пальцами и попытался получше рассмотреть пленницу Бернара, однако у него ничего не получилось.

– Сэру Камерону Макалпину. Я проиграл ее в карты.

Сэр Чарлз тихонько засмеялся, и Бернар нахмурился.

– Да ведь эта девчонка совсем еще ребенок, замызганная и вся исцарапанная. И потом, ты что, забыл, что наш шотландский рыцарь дал обет безбрачия?

– По правде говоря, он предпочитает держаться подальше от женщин, хотя они ему так и вешаются на шею.

– Что ж, поступай как хочешь, но мне кажется, сэр Камерон предпочел бы, чтобы ты отдал ему долг деньгами.

– А может, он согласится взять обеих женщин?

– Обеих? Но я вижу только одну.

– Вторая еще моложе этой. Ее забрал сэр Рэнфорд. Он любит таких малюток.

Сэр Чарлз пожал плечами:

– Что ж, иди попытай счастья, а то сэр Камерон уже собрался уезжать. Может, он и согласится забрать у тебя девчонку. Только помни, если она поднимет шум, будешь сам с ней разбираться.

Эвери почувствовала, как ее похититель поклонился. Внутри у нее все клокотало от гнева, и она с трудом сдержалась, чтобы не вырваться из рук Бернара и не пуститься наутек, когда он закончил разговор с женщиной с холодным голосом и направился к выходу из просторного холла. Подумать только, этот подонок только что попытался уничтожить ее родственников, а теперь хочет использовать ее в качестве оплаты какого-то долга!

Она до сих пор не могла поверить, что ее идиллическая поездка к родственникам матери обернулась кровавой трагедией. Сколько же ее кузенов погибло от мечей воинов Де Во? Неужели замок разрушен и сгорел дотла? И где ее кузина Джиллиана? Ведь она совсем еще ребенок, ей всего тринадцать. Все эти вопросы вертелись у Эвери на языке, однако она не стала их задавать, прекрасно понимая, что негодяй, решивший за нее ее судьбу, не даст себе труда на них ответить.

Наконец Бернар остановился у массивной деревянной двери и громко забарабанил в нее. Эвери поморщилась: каждый стук болью отзывался в голове. Дверь открылась, и она тихо чертыхнулась: похититель шагнул через порог, не заметив, что ее ноги стукнулись о дверной косяк. Она попыталась разглядеть комнату, в которой они очутились, но не смогла – мешали свисавшие на лицо волосы. Бернар швырнул ее на толстую овечью шкуру, расстеленную у очага. При падении Эвери стукнулась головой об пол. Боль была такой сильной, что она едва не потеряла сознание.

– Кто это? – послышался низкий глубокий голос с сильным французским акцентом.

– Женщина, – буркнул Бернар.

– Это я и сам вижу. Зачем вы мне ее принесли?

– В счет оплаты долга.

– Даже если бы я и согласился взять ее вместо денег, она не стоит и половины той суммы, какую вы мне задолжали, – холодно проговорил незнакомец.

В ответ на это равнодушно высказанное оскорбление Эвери стиснула зубы и решила, что уже достаточно притворялась бездыханной. Она убрала с лица спутанные волосы да так и ахнула. Стоявший рядом с Бернаром мужчина, хмуро смотревший на нее, показался ей огромным и, как она догадывалась, вовсе не потому, что она смотрела на него снизу вверх.

Башмаки из мягкой замши. Стройность длинных ног подчеркивали коричневые шерстяные лосины. Расстегнутая рубашка из белого льна открывала взору широкую гладкую грудь и плоский живот. Кожа незнакомца оказалась такой же смуглой, как и у большинства французов, которых ей уже доводилось видеть. Эвери подумала, что даже сама она показалась бы рядом с этим человеком светлокожей. Загорелое худощавое лицо незнакомца было непроницаемо. С густыми иссиня-черными волосами, ниспадавшими мягкими волнами до плеч, он казался почти красивым: твердый, решительный подбородок, высокие скулы, длинный прямой нос, четко очерченные губы, сейчас плотно сжатые. Но больше всего Эвери понравились его глаза с необыкновенно густыми длинными ресницами под темными изогнутыми бровями. Таких черных, как уголь, глаз она еще никогда не видела. Увы, в них не было даже намека на сострадание или желание помочь. И Эвери решила не скрывать своих чувств. Она с ненавистью уставилась незнакомцу в лицо, и тот удивленно приподнял брови.

– Я слышал, вы с вашими людьми скоро от нас уедете, сэр Камерон, – проговорил Бернар.

– Через два дня.

– В таком случае, боюсь, я не смогу собрать ту сумму, которую вам должен.

– Тогда не нужно было проигрывать.

Лицо Бернара побагровело.

– Я совершил промах. Но вы можете использовать эту женщину по своему усмотрению – потребовать за нее выкуп или продать.

– Вы схватили ее, когда атаковали войска Люсетта?

– Да, прямо у ворот.

– Она наверняка простая крестьянка, и никакого выкупа за нее не дадут.

– Я думаю, вы ошибаетесь, сэр Камерон. Только взгляните на ее платье. Ни одна крестьянка не может себе такого позволить.

Камерон наклонился, чтобы получше рассмотреть наряд девушки, и, воспользовавшись этим, Эвери дала волю клокотавшему в ней гневу. Она выбросила ногу, целясь прямо в квадратный подбородок, но Камерон оказался на удивление проворен и успел крепко схватить ее за лодыжку. Юбка задралась, обнажив ее ноги, однако Камерон и не думал ее отпускать. Напротив, к негодованию Эвери, он еще выше задрал ей юбку и заглянул под нее. Его красивые губы скривились в некотором подобии улыбки.

– Штаны, – изумленно выдохнул он.

Бернар тоже успел насладиться диковинным зрелищем, прежде чем Камерон одернул Эвери юбку.

– Странное одеяние для женщины, – заметил он.

– Так, значит, вы сами не попользовались девчонкой, прежде чем отдать ее мне? – удивился Камерон.

– Нет, клянусь. Я похитил ее только для того, чтобы вернуть вам долг.

По-прежнему не отпуская ноги Эвери, Камерон провел по ней свободной рукой. От возмущения Эвери чуть не задохнулась: такой беспомощной она еще никогда себя не чувствовала. Этот негодяй обращался с ней как с лошадью, которую собирался купить! Но в следующую секунду она испугалась: вдруг он обнаружит то, что она так тщательно спрятала? И опасения ее оправдались. Длинные пальцы Камерона скользнули по ее ноге вверх и... нащупали ножны кинжала. Эвери чертыхнулась с досады. Камерон взглянул на нее, и его глаза весело сверкнули, на секунду сделавшись не такими темными. Эвери мрачно воззрилась

на него.

– Я вам верю, сэр Бернар, – насмешливо протянул Камерон и, вытащив кинжал из ножен, отпустил ногу Эвери и распрямился.

– Черт! – Бернар сокрушенно покачал головой. – Мне даже в голову не пришло поискать оружие. В конце концов, ведь она всего лишь женщина...

Оскорбленная, Эвери попыталась его лягнуть, однако он успел отскочить в сторону. Пришлось успокаивать себя тем, что в следующий раз она непременно попадет в цель. Пока Камерон, нахмутив брови, разглядывал оружие, к нему подошел стройный юноша. На вид лет восемнадцати, решила Эвери, а то и моложе. В отличие от жгучего брюнета Камерона волосы у него были огненно-рыжие. Был он высок и строен, правда, чересчур худ.

Взглянув широко раскрытыми от изумления глазами сначала на кинжал, а потом на Эвери, юноша по-английски произнес:

– Камерон, это...

– Я знаю, Дональд, – перебил его Камерон на том же языке.

Не отрывая от Эвери взгляда, юноша прошептал:

– У нее глаза как у кошки.

– Совершенно верно. И я начинаю думать, что она такая же дикая, как и худшие представители этой породы. – В этот момент в дверь снова забарабанили, и Камерон нахмурился. – Что-то в последнее время я пользуюсь большим спросом, – пробормотал он по-французски, покосившись на Бернара.

– Бернар, жирная свинья! Открывай! Я знаю, что ты здесь! – услышали они разгневанный мужской голос.

– А, так это вас, – обратился Камерон к Бернару. – Советую вам выяснить, что этот человек от вас хочет.

– Так мы с вами в расчете? – спросил Бернар.

– Я над этим еще подумаю.

Бернар открыл дверь, и в комнату ворвался мужчина со взъерошенными каштановыми волосами. Больше Эвери ничего не успела заметить. Все ее внимание было приковано к худенькой девочке, которую тот тащил за собой.

– Джиллиана! – воскликнула она и попыталась вскочить, однако Камерон не позволил ей этого сделать, мягко, но решительно поставив ногу ей на грудь.

– Получай обратно эту маленькую сучку! – рявкнул Рэнфорд, толкнув Джиллиану к Бернару. – Она заразная!

Взглянув на девочку, Бернар испуганно попятился и даже быстро выставил вперед руки, чтобы ненароком ее не коснуться. Не обратив ни малейшего внимания ни на него, ни на Рэнфорда, девочка бросилась к Эвери, но резко притормозила: выхватив меч, Камерон направил его прямо ей в грудь.

– Ты что, собираешься убить ребенка? – потрясенно воскликнула Эвери, решив больше не изображать из себя француженку и попытаться остановить этого дикаря. Джиллиана вполне могла броситься на меч и погибнуть.

– Но она же заразная, – брезгливо поморщился Камерон.

Вглядевшись в Джиллиану, Эвери облегченно улыбнулась. Лицо девочки было сплошь покрыто красными пятнами, а необыкновенные, разного цвета глаза припухли и покраснели.

– Он что, давал тебе землянику? – спросила она кузину.

– Как же, дождешься от него! – буркнула Джиллиана. – Я сама сорвала несколько ягод, когда он отвернулся, и съела.

Помешкав, Камерон опустил шпагу.

– Значит, ты его обманула. Нехорошо... – покачал он головой, снимая ногу с груди Эвери. Девочка тотчас бросилась к ней и обняла за шею.

– А ты считаешь, было бы лучше, если бы она позволила этой французской свинье ее изнасиловать? – воскликнула Эвери.

– Но ведь она совсем еще ребенок! – возмутился Дональд, взглянув на Рэнфорда с плохо скрываемым отвращением.

– Они говорят по-английски, – удивился Бернар, захлопнув дверь за изрыгающим проклятия Рэнфордом.

– Верно подмечено, – улыбнулся Камерон. – По-моему, они шотландки.

– У Люсеттов есть родственники в Шотландии. Гм... Может, не стоит разрешать этой малышке подходить к девушке?

– Боятесь, что она ее заразит и ее цена упадет? Вряд ли. Девочка не заразная.

– Возьмете их обеих в счет уплаты долга?

– Думаю, у меня нет выбора. Но если я за них ничего не выручу, я ведь всегда могу вас отыскать, верно?

Эвери с удивлением увидела, что Бернар побледнел.

– Да хранит вас Господь во время вашего возвращения домой, Камерон, – произнес он, заикаясь от страха.

– Так он шотландец, – прошептала Джиллиана, пока Камерон провожал Бернара до двери. – Значит, теперь мы в безопасности?

– Не уверена, – вздохнула Эвери. – Он принял нас в счет уплаты долга за проигранное пари. Это не слишком-то хорошо его характеризует. Да и сам он не внушает мне доверия. Где-то я слышала эту фамилию – Макалпин, вот только не припомню где. – Дверь за Бернаром закрылась, и Эвери, коснувшись лица кузины, сочувственно спросила: – Больно?

– Немного щиплет. Ничего, скоро пройдет.

– Давай я буду говорить за нас обеих? – предложила Эвери, видя, что Камерон направляется к ним.

Подойдя, Камерон вперил пристальный взгляд в двух хрупких девушек, которых ему подарили. Он считал низостью расплачиваться за что бы то ни было людьми, а тем более женщинами, однако уже давно понял, что мало кто придерживается такого же мнения. Мужчины, с которыми он сражался бок о бок в течение последних трех лет, вообще имели с ним очень мало общего. Поняв это, он со своими людьми начал постепенно от них отдаляться, хотя это привело к новым проблемам. Оставалось лишь надеяться, что путь домой, в Шотландию, где он обретет наконец мир и покой, пройдет без происшествий.

Девушка постарше, которую ему притащили первой, не вызвала у него никаких положительных эмоций. Грязная, лохматая, да к тому же, похоже, начисто лишена девичьей скромности. Подумать только – носит под юбкой штаны и кинжал! И в то же время она была необыкновенно хороша собой. Камерон поймал себя на том, что не может отвести от нее глаз, и это его встревожило. Большую часть из двадцати восьми прожитых лет он потратил на то, чтобы понять: женщины, возбуждающие в нем желание, приносят ему несчастье. И ему не понравилось, что эта хрупкая молоденькая девушка вызвала в нем чувство, которое он крепко держал в узде в течение последних трех лет. Ни разу за эти долгие холодные годы добровольного воздержания он не дрогнул, а вот теперь, кажется, выдержка ему изменила.

Пристально разглядывая ее, он пытался найти в ней хоть что-нибудь, что могло бы объяснить внезапно нахлынувшее на него желание. Она была невысокого роста – ему по плечо, не выше, – худая, в то время как раньше, еще до обета безбрачия, он предпочитал женщин с пышными формами. А у нее были маленькие груди, высокие, упругие и красивой формы, необыкновенно тонкая, гибкая талия, четко очерченные губы, красивые, стройные, длинные ноги, в чем Камерон уже успел убедиться, и золотистая кожа. Глаза раскосые, опущенные длинными черными ресницами, золотисто-янтарного цвета, они, как справедливо заметил Дональд, и в самом деле напоминали кошачьи. Вместе с темными, слегка изогнутыми бровями они, казалось, занимали половину маленького личика в форме сердечка с небольшим прямым носиком, полными губками и густыми золотисто-каштановыми локонами, отливающими золотом и

спускавшимися почти до колен.

Камерон взъерошил рукой волосы, потер шею и недовольно поморщился. Хороша, необыкновенно хороша, просто само совершенство. Можно убеждать себя, пока язык отсохнет, в обратном, но от этого ничего не изменится. И если он собирается и впредь хранить обет безбрачия, нужно держаться от нее подальше, что на протяжении долгого путешествия в Шотландию весьма и весьма сложно.

– Кто ты? – спросил он.

Эвери решила, что лгать нет смысла. Если она сама не расскажет, то уж Джиллиана наверняка не сможет держать язык за зубами. Слишком мала для этого.

– Я Эвери Мюррей, дочь сэра Найджела Мюррея и леди Гизелы. Мы живем в Донкойле. А это моя кузина, Джиллиана Мюррей, дочь сэра Эрика и леди Бети Мюррей из Дублина... – Она нахмурилась: лицо Камерона исказилось от ярости.

– Камерон, а не тот ли это Мюррей, который... – начал было Дональд.

– Именно тот! – рявкнул Камерон, не дав ему договорить, и, схватив Эвери за тонкую руку, рывком поставил на ноги. – А не знаешь ли ты некоего сэра Пейтона Мюррея?

– Он мой брат, – ответила Эвери, недоумевая, чем Пейтон мог так разгневать этого человека. На лице Камерона появилась такая холодная и жестокая улыбка, что Эвери от страха даже отшатнулась.

– Что ж, похоже, старина Бернар заплатил мне сполна.

– Мои и Джиллианины родители щедро тебя отблагодарят, если ты доставишь нас домой в целости и сохранности.

– Я в этом несколько не сомневаюсь. Кажется, удача наконец мне улыбнулась. Этот идиот Бернар в счет уплаты долга притащил мне девицу, да не какую-нибудь, а сестру подонка, изнасиловавшего мою сестру!

Услышав это обвинение, Эвери почувствовала, как в груди взметнулась бешеная ярость.

– Мерзавец! – закричала она и, сжав кулак, ударила Камерона в челюсть. Тот чертыхнулся, не ожидая нападения, отпрянул и, споткнувшись о стоявшую за его спиной табуретку, грохнулся на пол, увлекая за собой Эвери. Она ударилась о его грудь с такой силой, что дыхание перехватило, но, не обратив на это внимания, вцепилась обеими руками Камерону в волосы и принялась бить его головой об пол. И только когда боль в руках стала невыносимой – Камерон, не растерявшись, стиснул ее запястья, – разжала пальцы. Камерон отпустил ее руки, чтобы потереть ушибленную голову, и Эвери не замедлила воспользоваться полученной свободой. Еще разок двинув его в челюсть, она вскочила, намереваясь бежать, но не тут-то было: Камерон успел схватить ее за юбку.

Покачнувшись, Эвери рухнула на пол и быстро перекатилась на спину. Видя, что он собирается наброситься на нее и пригвоздить к полу своим телом, она снова ударила его в лицо. Камерон ругнулся, однако намерения своего не оставил. Как ни брыкалась Эвери, как ни извивалась всем телом, выбраться из-под него ей не удалось.

И вдруг Эвери заметила, как что-то мелькнуло у Камерона за спиной. Джиллиана, догадалась она. Вот молодчина! Это и в самом деле была Джиллиана, которая пришла ей на помощь. Цепко обхватив Камерона тонкими руками за шею, она попыталась оторвать его от Эвери и опрокинуть на пол.

– Дональд! – взревел Камерон. – Сними поскорее с меня эту чертову девчонку!

Для Дональда не составило большого труда оттащить разъяренную девочку в сторону. И тогда Камерон вновь пригвоздил Эвери к полу. Она злобно уставилась на него, хотя и догадывалась, что он постарался не причинять ей боли.

– Мой брат не насильник! – крикнула она.

– А моя сестра утверждает, что это он ее изнасиловал, – процедил Камерон. Вскочив на ноги, он ухватил Эвери своей ручищей за оба запястья и рывком поднял с пола.

– И как, спрашивается, ты узнал эту ложь? Насколько я понимаю, ты ведь сражался на стороне этой свиньи, этого гнусного убийцы Де Во?

«Интересно, почему она с такой ненавистью говорит об этом человеке?» – подумал Камерон, решив удовлетворить свое любопытство чуть позже.

– Мой кузен Йен, временно заменяющий лэрда, прислал гонца, который принес эту весть. Мне потребовалось две недели, чтобы разделаться со своими обязанностями, и теперь наконец я еду домой уладить это дело.

И тут Эвери вспомнила, где она слышала фамилию Макалпин. Она прочитала ее в последнем письме, присланном из дома. Мама писала о «небольшом недоразумении» между Макалпинами и Мюрреями, из-за которого могут возникнуть проблемы. А поскольку она ненавязчиво намекала, что хорошо бы Эвери и Джиллиана погостили у французских родственников подольше, Эвери очень захотелось узнать, что же произошло на самом деле. Именно об этом она и писала в ответном письме, когда войска Де Во неожиданно напали на замок. Теперь-то ясно, почему мама хотела, чтобы они с Джиллианой задержались во Франции. Изнасилование родственницы лэрда – тяжкое преступление, ведущее к кровавой мести за поруганную честь и вполне способное перерасти в долгую непримиримую вражду.

– Ты знаком с моим братом или с кем-то из моих родственников? – поинтересовалась она.

– Я однажды встретился с Балфуром Мюрреем при дворе, – буркнул Камерон и, подтащив ее к кровати, вынул из верхнего ящика большого комода наручники.

Эвери с удивлением смотрела, как он приковывает ее к толстому деревянному прикроватному столбику.

– Ты всех своих девушек приковываешь наручниками к постели? – язвительно спросила она.

Она услышала, как Дональд возмущенно ахнул. Смуглые щеки Камерона покрылись краской, и Эвери пожалела, что вызвала его гнев.

– Они пригодятся мне в Кейнморе. Они крепче тех, которыми мы там пользуемся, и в то же время не так натирают руки, – процедил Камерон, удивляясь самому себе. И с чего это ему вздумалось что-то объяснять этой несносной девице?

Эвери равнодушно пожала плечами. Мысли ее снова были заняты преступлением, в котором обвиняли брата.

– И где же мой брат совершил это гнусное преступление против твоей сестры и твоего клана?

– При дворе. Йен и моя тетушка привозили туда сестру, чтобы найти ей подходящую партию.

– Так почему же это дело не было улажено там же? Ведь сам король мог бы помочь твоей сестре разобраться с моим братом.

– Потому что она рассказала о том, что случилось, только когда вернулась в Кейнмор. Родственники хотели выдать сестру замуж за сэра Малколма, однако она отказывалась, как они ее ни уговаривали. Наконец она призналась им, что вообще ни за кого не может выйти замуж, потому что твой брат лишил ее невинности. Более того, она ждет от него ребенка. Йен попытался решить это дело миром, но твой брат заявил, что у него с моей сестрой ничего не было, и отказался на ней жениться.

– Похоже, ты и в самом деле незнаком с Пейтоном, – вмешалась в разговор Джиллиана, – иначе знал бы, что ему нет никакой нужды кого-то насиловать.

– Совершенно верно, – согласилась Эвери. – Зачем ему кого-то насиловать, если девицы и так вешаются ему на шею?

– Вот как? А зачем моей сестре позорить себя ложью?

– Понятия не имею. Я ведь не знаю твою сестру.

– По-моему, ты и своего брата не знаешь, – процедил Камерон и, схватив Джиллиану за руку, потащил к двери.

– Куда ты тащишь мою кузину?

Эвери рванулась к ней, но наручники больно впились ей в запястье.

– Мыться. Пошли, Дональд. Я прикажу и для тебя принести воды и чистую одежду, – добавил он, бросив на Эвери брезгливый взгляд.

– Я буду мыться и переодеваться, прикованная к кровати?

– Мне кажется, ты неглупая девица. Думаю, найдешь способ.

Глава 2

Как только две служанки, помогавшие ей вымыться и переодеться, вышли из комнаты, Эвери окинула взглядом свое новое сине-голубое платье. Очаровательная вещица... По крайней мере, была очаровательной, пока ее не разрезали сбоку, чтобы продеть сквозь тяжелый наручник, и не спороли мешавшее черное кружево. Интересно, где этот изверг Камерон раздобыл такой наряд? Если он купил его, чтобы подарить какой-нибудь своей любовнице или родственнице, он может о нем забыть – его теперь осталось только выбросить. Эта мысль принесла Эвери мрачное удовлетворение.

С ненавистью взглянув на тяжелый наручник, обвившийся вокруг тонкого запястья, она снова попыталась высвободить руку и снова поморщилась от боли: зазубренные края наручника лишь поцарапали кожу. Цепь, которой Эвери приковали к прикроватному столбику, не доходила даже до изножья кровати. Так что никуда отойти она не могла. Эвери мстительно улыбнулась. Эта чертова цепь достаточной длины, чтобы удушить ею черноглазого негодяя. Когда ее мучитель вошел в комнату, Эвери машинально погладила тяжелую цепь, представляя, как она обвивается вокруг его горла и как лицо его приобретает синюшный оттенок. В другое время такая кровожадность вызвала бы в ней омерзение, но сейчас она была настолько взбешена, что просто об этом не думала.

– Где Джиллиана? – спросила она, не увидев рядом с Камероном ни кузину, ни Дональда.

– Я оставил ее с женщинами, – отмахнулся Камерон и, стащив рубашку, направился к столу, где стоял большой кувшин с водой.

– С какими женщинами?

– Которые путешествуют вместе с мужчинами.

– С проститутками? Ты оставил девочку с лагерными проститутками?!

– Никакие они не проститутки. Две из них – жены моих солдат, а еще две скоро ими станут.

– Я требую, чтобы Джиллиана была со мной!

– Боюсь, я не смогу выполнить это требование, – с плохо скрываемым злорадством отозвался он.

Эвери смотрела, как он умывается, и ее обуревало желание подкрасться к нему сзади и хорошенько пнуть ногой. Увы, для этого цепь была слишком коротка. Еще никогда в жизни ей так сильно не хотелось кого-нибудь ударить. Прямо руки чесались.

– Она будет беспокоиться за меня, – проговорила Эвери, но Камерон одарил ее таким взглядом, что она поняла: бесполезно взывать к его доброте и сочувствию.

– Женщины о ней позаботятся. Они рады-радешеньки, что заполучили в свои руки ребенка.

Покончив с умыванием, Камерон уселся на край кровати и, покосившись на Эвери, начал стаскивать башмаки. Похоже, эта девица прямо клоочет от ярости. Золотистые глаза гневно сверкают, длинные пальцы сжаты в кулаки с такой силой, что костяшки побелели. Будь у нее под рукой кинжал, она не задумываясь перерезала бы ему горло.

Задув свечи, Камерон улегся на огромную кровать. Закинув руки за голову, он снова взглянул на Эвери: она по-прежнему стояла. Свечи освещали кровать, и в их зыбком свете взъерошенная, дрожащая от гнева девица была видна как на ладони.

– Ложись в постель, – приказал он, с трудом сдерживая улыбку.

– Сюда? Рядом с тобой? – Она гордо вскинула голову. – И не подумаю.

– Прекрасно. – Камерон закрыл глаза. – Можешь стоять так всю ночь и хоть до утра сверлить меня взглядом. Мне наплевать.

Услышав эти слова, Эвери едва не взвыла от ярости. Будь цепь чуточку длиннее, можно было бы сложить ее вдвое и хорошенько отстегать негодяя. На секунду представив себе эту упоительную картину, Эвери сокрушенно вздохнула. Даже если бы цепь и была длиннее, вряд ли Камерон стал бы терпеливо сносить побои.

Но самое неприятное заключалось в том, что Камерон все рассчитал очень точно – она не сможет причинить ему вреда. Так что глупо стоять у постели всю ночь напролет, хотя ей очень хотелось ему досадить. Благодушное настроение, в котором сейчас пребывает Камерон, может смениться враждебным, и тогда ей не поздоровится.

Эвери медленно опустилась на пол и положила голову на край лежавшей на кровати пышной пуховой перины – роскошь, вызвавшая у нее изумление. Неужели Камерон привез ее с собой? А может быть, Де Во настолько разбогател, что решил побаловать своих наемников перинами? Как же ей хотелось забраться в кровать, ощутить всем своим измученным телом приятную мягкость, но Эвери подавила это желание. Было бы величайшей глупостью лежать в постели с совершенно незнакомым человеком, который к тому же испытывает ненависть к одному из членов ее семьи.

Эвери украдкой взглянула на вытянувшееся на кровати длинное тело. Камерон не сказал, что именно собирается с ней сделать, чтобы отомстить ее брату. Поскольку он не сомневается в том, что Пейтон изнасиловал его сестру, можно допустить, что он захочет отплатить ему той же монетой. Но пока он даже не

прикоснулся к ней, хотя они в комнате одни и она прикована к постели.

Размышляя о том, что кто-то посмел обвинить Пейтона в насилии, Эвери вновь пришла в ярость. Только этот осел Камерон мог поверить в такую чушь! Впрочем, Камерона можно понять, ведь обвинение выдвигала его родная сестра. Но прежде чем мстить за ее поруганную честь, следовало бы убедиться, что месть эта оправданна.

Интересно, какая участь ей уготована? Чем дольше Эвери за ним наблюдала, тем больше склонялась к мысли, что этот человек не опустится до насилия. Несмотря на его угрожающий вид, Эвери не чувствовала, чтобы от него исходила опасность. Оставалось лишь надеяться, что интуиция ее не обманывает, а красивое лицо не вводит в заблуждение. Расслабляться не стоит, решила Эвери, поскольку если она ошибается в отношении Камерона, спастись ей будет нелегко.

– Что ты собираешься со мной делать? – спросила она, не в силах больше оставаться в неведении насчет своей дальнейшей судьбы, какой бы страшной она ни была.

Камерон открыл один глаз и покосился на Эвери. Голова ее едва возвышалась над краем кровати. Несмотря на искаженное яростью лицо, выглядела она юной, хрупкой и – невинной. В Камероне боролись противоречивые чувства. С одной стороны, он испытывал отвращение к самому себе за то, что задумал совершить. С другой – его так сильно тянуло к этой взбалмошной красавице, что он хоть сейчас готов был воспользоваться правом сильного. Жажда мести и острое желание сплелись воедино, и он уже не знал, какое из этих чувств сильнее. И потом, убеждал себя Камерон, он ведь не собирается причинять ей зло. Он будет обращаться с ней гораздо ласковее, чем обращался бы любой другой мужчина в подобной ситуации.

– Я собираюсь тебя соблазнить, – ответил Камерон, с любопытством наблюдая за тем, как изумление на лице Эвери постепенно уступило место насмешке.

– Вот как? – протянула она. – И каким же способом такой храбрый, красивый мужчина, как ты, добьется того, что я паду бездыханной к его огромным ножищам?

– Не бездыханной, детка, – поправил ее Камерон, подавляя желание взглянуть на свои ноги, о которых она отозвалась с таким пренебрежением. – Я бы предпочел, чтобы ты была в здравом рассудке.

– А я бы предпочла задушить тебя собственными руками, но ведь мы не всегда получаем желаемое, верно?

– Странно слышать из уст такой малышки столь кровожадные речи.

– Задушить, а потом перерезать тебе горло, – мечтательно протянула она.

– По-моему, пора начинать тебя укрощать. Что-то ты слишком разошлась. Ну да ничего, сейчас ты показываешь коготки, но скоро будешь мурлыкать, как кошечка. Уж я об этом позабочусь.

– Какое самомнение!

Внезапно Камерон ухватился за цепь, и Эвери, вскрикнув от неожиданности, уперлась руками в край кровати. Легко сломав сопротивление, он подтащил ее к себе. Эвери попыталась ударить его в лицо, но ей это не удалось. Камерон ловко увернулся и прижал ее к кровати всем своим мощным телом.

– Я говорю истинную правду, моя кошечка, – проворковал он и, перехватив ее ненавидящий взгляд, нежно улыбнулся.

– Я тебе не кошечка! И не позволю прикасаться ко мне! Ведь ты собираешься надругаться надо мной, только чтобы отомстить моему брату.

Эвери не могла не признать, что улыбка очень красила лицо Камерона, хотя теперь на нем появилось надменное выражение.

– Твой брат меня опозорил.

– Если Пейтон и совершил этот бесчестный поступок, во что я ни за что не поверю, он опозорил не тебя, а самого себя.

– Но моя сестра потеряла невинность! – крикнул Камерон.

– Это еще не означает, что мой брат в этом повинен, – бросила Эвери и едва сдержалась, чтобы не рассмеяться: такое недоумение отразилось на лице Камерона. Она инстинктивно почувствовала, что мало кому довелось это выражение лицезреть. – И потом, – взволнованно добавила она, – мой брат исключительно порядочный человек и не стал бы совершать такого бесчестного поступка!

Камерон не мог не признать справедливость слов Эвери, однако не понимал, с чего это она так раскинулась.

– Вижу, эта тема задела тебя за живое. Почему?

– Мою кузину Сорчу, старшую сестру Джиллианы, жестоко избили, а потом изнасиловали. Это сделали враги моего отца. С ней была еще одна моя кузина, Элспет, которой посчастливилось избежать этой страшной участи благодаря вмешательству моего дяди Эрика, а также Балфура и Фитера. Скоро Сорча уйдет в монастырь и пострижется в монахини. Так неужели ты думаешь, что мой брат, чья кузина подверглась такому унижению, посмел бы совершить такой же поступок?

И опять Камерон согласился с Эвери, но и на этот раз не признался в этом.

– То, что твой брат знал о том, что его кузину изнасиловали, вовсе не означает, что сам он не способен совершить подобное преступление. Впрочем, быть может, моя сестра неправильно выразилась. Может быть, твой брат ее не изнасиловал, а соблазнил. Но так или иначе, он лишил ее невинности и теперь отказывается на ней жениться. В отместку я лишу невинности его сестру.

– Как романтично! – фыркнула Эвери. – Ты так мило и искусно меня ободряешь, что я уже сейчас готова упасть к твоим ногам.

Камерон едва сдержался, чтобы не расхохотаться, и сам себе удивился. Обычно его не так-то легко было рассмешить. Он приподнялся на локтях, стараясь не придавить ее своим весом. Надо же, такая маленькая, а не боится ему возражать и кидается на него с кулаками при всяком удобном случае.

Камерон бросил взгляд на полные губы Эвери и вдруг почувствовал острое желание ее поцеловать. Он склонился к ней и ощутил, как она напряглась; ее прекрасные глаза расширились от страха. Наверное, она догадалась о том, что он намеревается сделать.

– Даже не думай об этом, – процедила Эвери, радуясь тому, что голос ее прозвучал холодно и сурово, хотя на самом деле ей очень хотелось, чтобы он ее поцеловал.

– Но я как раз об этом и думаю, – отозвался Камерон и потянулся к ее губам, но, наткнувшись на зубы, предупредил: – Не советую меня кусать. – Придавлив ее к кровати и взяв в ладони ее лицо, он добавил: – Я просто хочу удовлетворить свое любопытство.

И прежде чем Эвери успела что-то сказать, страстно прильнул к ее губам. На Эвери накатила сладкая волна. Камерон нежно покусывал ее губы, потом проник языком ей в рот, и она застонала от наслаждения. Все мысли о том, чтобы его укусить, испарились в мгновение ока. Теперь ей приходилось умирять охватившую ее страсть.

Эвери была даже рада тому, что Камерон так крепко пригвоздил ее к кровати. Ей не хотелось, чтобы этот темноволосый негодяй понял, как ей нравится чувствовать его смуглое гладкое тело, хочется погладить теплую мускулистую спину и широкую грудь, погрузить пальцы в густые черные волосы, почувствовать на своем лице их мягкие пряди. Она надеялась, что он не заметит ее учащенного дыхания, не услышит исступленного биения сердца.

Но чем сильнее разгоралась ее страсть, тем сильнее сжималось от страха сердце. Эвери не могла понять, что же с ней происходит. Камерон намерен ее обесчестить, а потом вернет родителям, покрыв позором их честное имя. Он выдвинул оскорбительное обвинение против ее брата, а следовательно, против ее семьи и ее клана. Для этого человека, о существовании которого до сегодняшнего дня она даже не догадывалась, Эвери стала разменной монетой. Она не должна испытывать к нему никаких чувств, кроме отвращения и страха. Но как раз этого она и не испытывает. Наоборот, стоило ему ее поцеловать – и она уже потеряла разум, охваченная безумной страстью. Ей хотелось ласкать и целовать каждый дюйм его сильного тела, почувствовать его в себе. И желание это было столь острым, что Эвери чуть не задохнулась.

Наконец Камерон поднял голову, и Эвери поспешно закрыла глаза. Мама всегда шутила, что по глазам отца может с легкостью прочитать все его грешные мысли. У Эвери были отцовские глаза, и она очень боялась, что Камерон прочитает в них страсть. Он крепко ухватил ее за подбородок. Эвери поморщилась от боли, но глаз не открыла.

– Посмотри на меня, Эвери, – приказал Камерон хриплым от страсти голосом.

Он и сам поразился остроте охватившего его желания. Не было в Эвери Мюррей ничего такого, что могло бы вызвать подобное чувство. Хрупкая, как подросток, дерзкая и вспыльчивая. Такие ему никогда не нравились. Может быть, он возжелал ее потому, что слишком долго не имел женщин? Маловероятно. Эвери затронула самые сокровенные струны его души, что вряд ли смогла бы сделать другая женщина. И Камерону захотелось узнать, вызывает ли он в ней такие же чувства. Он уже убедился, что по ее глазам многое можно прочесть, и ему не терпелось в них заглянуть. И то, что Эвери крепко зажмурилась, лишь разожгло в нем это желание.

– Открой глаза, детка, – уже мягче повторил он.

– Не могу, – замотала головой Эвери. – Иначе меня от отвращения наизнанку вывернет.

Услышав ее хриплый голос, Камерон пропустил это оскорбление мимо ушей. Похоже, Эвери не собирается признаваться в том, что тоже хочет его, и Камерон решил пойти на хитрость. Приподнявшись на кровати, он взглянул в сторону двери.

– А, Дональд, – протянул он, не отрывая взгляда от Эвери. – Зачем ты снова притащил сюда эту девчонку?

– Джиллиана? – испугалась Эвери, но, открыв глаза, поняла, что ее подло обманули. – Ах ты, мерзавец! – вскричала она и хотела было отвернуться, однако Камерон крепко ухватил ее за подбородок.

И в тот же миг сердце его радостно забилося: глаза Эвери затуманились от желания. А еще они сверкали от ярости, хотя Камерон и не мог понять, на кого она злится – на него или на себя. Наверное, на них обоих. То, что Эвери Мюррей

злится на себя, легко объяснить: вряд ли она радуется тому, что воспылала страстью к своему мучителю. По правде говоря, хотя Камерону и было приятно видеть такое острое желание и он рад был бы его удовлетворить, оно повергло его в замешательство. Такая безудержная, мгновенно вспыхивающая страсть может вызвать ненужные осложнения, а они ему вовсе ни к чему, ведь он не собирается жениться на ней.

– Верно, я мерзавец, – весело согласился он. – А еще я мужчина, которого ты хочешь. Так почему бы тебе не отдаться мне, крошка?

Услышав такое, Эвери едва не задохнулась от гнева. Нет, каков нахал! А впрочем, зачем кривить душой?.. Она и в самом деле его хочет. Он на редкость привлекательный мужчина, высокий, сильный... правда, внушает ей некоторый страх. И целуется Камерон просто замечательно, так, что дух захватывает. А она, по словам ее брата Пейтона, уже давно созрела для любви. Но несмотря на охватившее ее желание, Эвери взбесило, что Камерон возомнил, будто она сдастся без боя, упадет к его ногам, словно созревший плод. Или он действительно считает себя неотразимым, а ее слишком податливой?

– А почему бы тебе не отправиться ко всем чертям? – сладким голосом проворковала она.

– Неужели эти грубые слова произносят те самые губки, которые с такой страстью отвечали на мои поцелуи?

– Ничего подобного не было!

– Нет, было, просто ты не желаешь в этом признаться.

Камерон перекатился на спину, хотя ему было нелегко отрываться от ее теплого, мягкого тела, и забросил руки за голову. Через секунду он услышал, как Эвери отодвинулась от него, и усмехнулся. Вставать с кровати она все-таки не стала.

Жаль, что он встретил эту малышку при столь драматических обстоятельствах, промелькнула в голове Камерона мысль, но он сразу от нее отмахнулся. От подобных мыслей ничего хорошего не жди. Можно забыть, во-первых, о том, что он намерен восстановить справедливость, отомстив брату Эвери за поруганную честь своей сестры, а во-вторых, о том, что заставило его три года держаться от

женщин на расстоянии. Женщины преподали ему хороший урок, ответив подлым предательством на все добро, что он для них сделал, и он не позволит какой-то тощей девчонке с раскосыми, как у кошки, глазами снова причинить ему боль. Он скоро покончит со своим долгим воздержанием, но никогда больше не позволит себе потерять голову от страсти.

Эвери примостилась на самом краешке кровати. Малейшее движение – и она неминуемо свалится на пол. Хорошо, если Камерон не слишком ворочается во сне. Она украдкой взглянула из-под опущенных ресниц на мужчину, который умудрился так легко ее возбудить.

Лицо его было мрачным, и Эвери насторожилась. Вряд ли он недоволен тем, что она оказала ему сопротивление. К сожалению, она дала ему понять – конечно, не сразу, – что ее без труда можно соблазнить. Следовательно, лицо его должно выражать самодовольство. Любой мужчина был бы рад такой легкой добычей. А у Камерона такой вид, словно он отведал кислого яблока.

А что, если эта внезапно возникшая между ними вспышка страсти беспокоит его так же, как и ее? С такой сильной, всепоглощающей страстью нелегко бороться. Для нее она означает неминуемое поражение, поскольку противиться ей она не сможет. Но и Камерону эта страсть может нарушить все планы: нелегко думать об отмщении, когда испытываешь сильное желание.

И тут в голове Эвери мелькнула мысль, а не использовать ли ей эту внезапную страсть против самого Камерона, не попытаться ли превратить свое возможное поражение в сильное оружие, но она тотчас ее отмела. Для подобных игр требуются и умение, и навык, а она не обладает ни тем, ни другим. И хотя Эвери знала о том, что происходит между мужчиной и женщиной – братья и кузены просветили ее на этот счет, – она еще никогда ни с кем не целовалась по-настоящему, Камерон оказался первым. Правда, кузены пытались ее целовать, но их неумелые попытки не вызывали в ней даже проблеска желания. Эвери вздохнула и заворочалась, пытаясь устроиться поудобнее. Нет, придется все-таки выдерживать с Камероном линию стойкого сопротивления.

– Если ты не хочешь спать, мы всегда можем вернуться к нашим играм, – лениво произнес он.

– Еще чего придумал, дурак ты этакий! – возмутилась Эвери. – У меня просто живот болит, вот я и ворочаюсь.

– Советую тебе придержать язык.

– А не то?..

– А не то тебе не поздоровится.

– Ой-ой! Испугал, как же!

– Не зли меня, Эвери!

– Что, ударишь меня? – Эвери бросила на него яростный взгляд через плечо и, заметив, что Камерон взглянул на нее даже с каким-то испугом, довольная, продолжила: – Ты приковал меня цепью к кровати, оскорбил мой клан да еще решил меня обесчестить, чтобы отомстить моему брату за то, чего он не совершал! Больше ты меня ничем не испугаешь.

И она отвернулась. Камерон уставился на ее прямую красивую спину. Ответить на справедливые слова было нечего, и он промолчал, решив придумать какой-нибудь новый способ усмирить эту непокорную девицу. Утром он первым делом этим и займется.

Глава 3

– Эвери!

Услышав крик Джиллианы, Эвери оторвалась от созерцания широченной спины удалявшегося Камерона. Хотя она и была рада видеть свою кузину целой и невредимой, ярость по-прежнему клочкотала в ней. В течение двух дней она была прикована к постели наручниками, а теперь в довершение ко всему ее привязали за запястья к седлу лошади Камерона. Если и впредь с ней будут обращаться подобным образом, то, вернувшись в Шотландию, она будет счастлива, когда мужчины ее клана перебьют Макалпинов всех до единого.

– Как ты, Джиллиана? – озабоченно спросила она кузину. Ей понравилось, что та, с негодованием взглянув на веревки, перевела ненавидящий взгляд на Камерона. Хотя девочка была еще слишком мала, чтобы оказать ей помощь, приятно сознавать, что у тебя есть союзники.

– Все в порядке, – ответила Джиллиана. – Женщины носились со мной, как с малым дитем, хотя только сейчас позволили мне с тобой повидаться. Думаю, они сделали бы для меня все, о чем бы я их ни попросила, но нарушить приказ Камерона не посмели. Мужчины – тоже. Хотя прямо они мне не говорили, но я случайно подслушала, что большинству из них не нравится поведение их лэрда. И все они хотят, чтобы Пейтон поплатился за свой проступок.

– Но он ничего плохого не сделал!

– Мне ты можешь об этом не говорить, я это и так знаю. Пейтон – один из немногих среди наших кузенов и братьев, кто никогда не мстил нам, девчонкам, как бы мы над ним ни издевались. Человек, который молча сносит, когда ему наваливают в парадные башмаки пороссячий навоз, никогда не обидит женщину.

– Так, значит, это твои проделки? – усмехнулась Эвери.

– Ага. Он в тот день меня дразнил, и я не на шутку разозлилась. – Джиллиана весело засмеялась, однако, бросив взгляд на связанные запястья кузины, нахмурилась. – А как ты?

– Терпимо. Вот только эти веревки меня бесят. – Эвери бросила взгляд на свои руки. – Видишь, что под ними? Шелковая ткань. Похоже, Камерон старается не причинить мне боли, хотя и смотрит на меня волком.

– Но ведь он собирался тебя обесчестить!

– Собирался. Но пока этого не сделал, если тебя это беспокоит.

– Еще как беспокоит! Что ж, все, что от тебя требуется, это продержаться до тех пор, пока наши родственники нас не спасут.

Так просто, подумала Эвери и вздохнула. Камерон пользовался любой возможностью, чтобы прикоснуться к ней, вскружить голову льстивыми речами, поцеловать. И то, что она покорно позволяла ему это делать, очень ее беспокоило. Сейчас лишь ярость от того, что ее приковали наручниками к кровати, а теперь привязали к седлу, давала Эвери силы его отталкивать. Если Камерон перестанет над ней измываться, злость ее испарится, а вместе с ней исчезнет и решимость бороться с влечением к этому человеку.

– Скажу тебе правду, сестренка, боюсь, я не смогу ему долго сопротивляться, – призналась Эвери и, заметив на лице Джиллианы изумление и ужас, печально улыбнулась.

Откашлявшись, Джиллиана небрежно бросила:

– Он очень красивый мужчина.

– Да, очень красивый, – согласилась Эвери.

– Тебе уже почти девятнадцать лет! Наверное, приходилось оказывать кому-то сопротивление.

– Нет, не приходилось.

– Ты любишь его?

– Джилл, этот человек приковывал меня к кровати, теперь привязал к лошади и собирается с моей помощью вынудить бедняжку Пейтона жениться на его сестре. Я была бы душой, если бы в него влюбилась.

– Вовсе нет. Любой мужчина на его месте поступил бы так же. Ведь он обязан защитить свою сестру. И он не собирается брать тебя силой. Так что, может, ты его не любишь, но все равно хочешь.

– Кажется, да, – вздохнула Эвери.

Потрепав кузину по ноге, Джиллиана посоветовала:

– Постарайся держаться до последнего. Но если ты ему подчинишься, я не стану тебя осуждать. А если кто-то осмелится это сделать, я задам ему жару. –

Джиллиана улыбнулась, а потом серьезным тоном произнесла: – Мне кажется, ты должна сопротивляться, сколько хватит сил, но если их надолго не хватит, не огорчайся. И мы обе знаем, что когда-нибудь он поймет, что его сестра солгала.

– И захочет совершить благородный поступок, – буркнула Эвери.

– Если к тому времени ты будешь не только его хотеть, но и любить, тебе это окажется на руку.

– Это зависит от того, какие чувства он будет ко мне испытывать... А вот и он, легок на помине.

Заметив, с каким негодованием смотрят на него кузины Мюррея, Камерон с трудом сдержал улыбку. Эти девчонки, похоже, храбрее многих закаленных в боях воинов. Обладай они, помимо храбрости, еще и мужской силой, ему бы несдобровать. Вон как на него смотрят – будь их воля, разорвали бы на куски.

– Иди к женщинам, – приказал он Джиллиане. Девочка подчинилась, но так витиевато выругалась на прощание, что он лишь головой покачал. – Когда твоя кузина вырастет, она доставит кому-то массу хлопот, – обратился он к Эвери.

– Это хорошо, – буркнула она. – Она будет не из тех, кто легко достается.

– Так же легко, как я получил тебя?

– Верно, меня ты получил легко. Меня в буквальном смысле бросили к твоим ногам. Ты играючи заполучил оружие против моей семьи. Но тебе придется как следует потрудиться, чтобы им воспользоваться.

– Ты так считаешь?

Камерон подошел к Эвери вплотную и прижался к ее ноге. От ее близости кровь закипела в его жилах. В прекрасных глазах Эвери вспыхнул огонь. Кажется, она испытывает к нему такое же влечение, что и он к ней, подумал Камерон. Как бы узнать, так ли это?

Предательство его последней возлюбленной привело к тому, что Камерон решил больше не иметь с женщинами никаких дел, и заставило его усомниться в том, что он хорошо их знает. Раньше он самонадеянно считал себя знатоком женского сердца. Времена эти давно канули в Лету. Неверность и предательство женщин сделали свое черное дело. Пережив не одно потрясение, Камерон отвернулся от представительниц слабого пола, как ему казалось, навсегда. С тех пор он уже не пытался категорично утверждать, будто хорошо знает женщин. А тем более Эвери Мюррей, которая не похожа ни на одну из них. Что, если огонек, вспыхнувший в ее глазах, вызван не страстью, а желанием зарезать его, как поросенка? Впрочем, Эвери вполне способна испытывать оба этих чувства одновременно, пришел к выводу Камерон.

– Да, красавчик, я так считаю! – выпалила Эвери, злясь на себя за слабость: тело отозвалось на его близость предательским трепетом.

– А сама уже начала расточать мне комплименты.

Эвери не знала, то ли ей смеяться, то ли пнуть его ногой в живот. Пока она размышляла над тем, на что ей решиться, Камерон ловко вскочил в седло и уселся за ее спиной.

Он пришпорил коня, и Эвери поняла: ей предстоит мучительное путешествие. Она сидела у него между ног, ощущая спиной крупное, сильное тело своего мучителя. Руки его, державшие вожжи, прижимались к ее бокам. Не успели они выехать за ворота замка Де Во, как тела их начали тереться друг о друга. И в таком положении ей придется провести не один час, с ужасом подумала Эвери.

Она попыталась отстраниться, однако Камерон рывком притянул ее к себе. Эвери старалась сидеть прямо, не шевелясь, но уже через несколько секунд почувствовала, что, если будет продолжать в том же духе, скоро упадет на землю, увлекая Камерона за собой. Эвери с удовольствием представила себе, как он грациозно съезжает с седла и плюхается прямо в грязь, но тут же сообразила, что падение в первую очередь грозит опасностью ей самой. Руки ее привязаны к седлу. Если она свалится, испуганный конь наверняка понесет, волоча ее по земле. Вот бы Камерон и в самом деле рухнул на землю! Эвери улыбнулась: надо же, размечталась.

– Рад, что у тебя поднялось настроение, – проговорил Камерон, почувствовав, что она улыбается.

– Я представила, как ты шмякнулся лицом в грязь. Очаровательная картинка! – проворковала Эвери.

Камерон, уже собиравшийся улыбнуться, лишь кашлянул. Ну что за дерзкая девчонка! Он давно догадался, что у этого нежного существа стальной характер. Хотя он сумел вызвать в Эвери желание, ему предстоит приложить немало усилий, чтобы заставить ее сдаться на милость победителя. А если ему когда-нибудь все-таки удастся поставить ее на колени, она наверняка попытается уползти.

– Упаду я, упадешь и ты вместе со мной, – заметил Камерон.

– Знаю. Поэтому и не стану вышибать тебя из седла.

– Очень любезно с твоей стороны.

– Кстати, ты следишь за тем, что делается у тебя за спиной?

– Да, хотя ты сидишь впереди меня и у тебя нет оружия.

– Я имею в виду Де Во. Я бы не удивилась, если бы этот кровожадный подонок попытался отнять у тебя деньги, которые он тебе заплатил. Или решил, что ему не нужен свидетель, который будет слишком много болтать о том, что видел в его замке.

– Так ты что, беспокоишься о моей безопасности?

– Не льсти себя напрасной надеждой. Просто с нами едет моя кузина, и я хочу, чтобы она добралась до Шотландии целой и невредимой. А если, – прибавила Эвери сурово, – кому-то и суждено тебя прирезать, так это буду я.

– Жестокая ты женщина, Эвери Мюррей, – вздохнул Камерон и спросил, не сумев скрыть раздражение: – Почему ты так ненавидишь Де Во и его людей?

– Потому что все они подлые убийцы! Они убили многих моих родственников!

– Может быть. Но мне кажется, ты возненавидела их давно, задолго до их последнего преступления.

Эвери хотела ответить, что это не его дело, но передумала. Затяжная вражда Де Во и Люсеттов ни для кого не была секретом, равно как всем было известно о том, сколько зла Де Во уже причинили ее семье. И кроме того, узнав об этом, Камерон, быть может, не позволит никому из Макалпинов выступать на стороне этих мерзавцев, какие бы огромные деньги им за это ни посулили. Если так случится, она будет счастлива. Эвери искренне радовалась тому, что Камерон и его люди не принимали участия в последнем набеге Де Во.

– Все началось с моей мамы, – заговорила Эвери, – хотя Де Во и раньше не оставляли моих родственников в покое. Они всегда нападали на тех, кто слабее, у кого меньше власти и денег. Ради сохранения мира и покоя мою маму вынудили выйти замуж за Майкла Де Во, несмотря на то что никто о нем никогда доброго слова не сказал. Все слухи о нем подтвердились. Это оказался страшный человек, жестокий, беспринципный и вероломный. Как-то ночью мама обнаружила его в постели с изуродованным лицом и перерезанным горлом. И тогда она убежала.

– Почему? Это она его убила?

В голосе Камерона не слышалось осуждения. Хотя Эвери не описала и сотой доли тех ужасов, какие испытала ее мать, живя со своим первым мужем, Камерону, похоже, было известно, что представляют собой Де Во и его наемники.

– Нет, – покачала головой Эвери, – хотя она знала, что все так подумают. Она не раз грозилась это сделать. Замужество принесло ей одни страдания, и она часто говорила, что, если понадобится, сама покончит со своим мучителем. Мой отец помог ей бежать в Шотландию. До побега она целый год скрывалась, каждую секунду трясясь от страха, что ее найдут. Наконец было доказано, что убийство совершила не она, что ее просто подставили из мести, и мама смогла вздохнуть спокойно. Вся эта история лишь усилила вражду между Де Во и нашей семьей. Мамино замужество не принесло долгожданного мира. Многие из семьи Де Во по-прежнему не верили в мамину невиновность. Скорее всего им нужен был кто-

то, кого они могли бы ненавидеть и на кого могли бы изливать свою злость.

– А может, им не понравилось, что вся неприглядная правда об их родственнике выплыла наружу?

– Вполне возможно. А еще им не понравилось, что мама унаследовала приличное состояние. Это состояние было лишь небольшой компенсацией за все ее страдания и по праву принадлежало ей, но Де Во терпеть не могут от чего-то отказываться.

– Даже от тех денег, которые им приходится платить наемникам?

– Даже от них.

– Не волнуйся, я уже об этом догадался. Мои люди зорко следят за тем, что делается у нас за спиной.

Эвери кивнула. Как бы ей хотелось узнать хоть что-нибудь о судьбе своих родственников! Из тех обрывков разговоров, которые она слышала в последние два дня, она поняла, что резня во время нападения не была такой ужасной, какой казалась на первый взгляд. Оставалось лишь надеяться, что кто-нибудь сумеет сообщить маме о том, как дорого обошлась ее семье атака Де Во. Наверняка пройдет много долгих месяцев, прежде чем она об этом узнает. Что ж, лучше поздно, чем никогда, решила Эвери. Сама она до сих пор не могла без содрогания вспоминать тот день, когда на них напали Де Во.

К тому времени, когда в полдень они остановились передохнуть, Эвери уже абсолютно точно знала, что ей следует опасаться не людей Де Во, а совсем другого человека – Камерона Макалпина. Проскакав на лошади в его объятиях в течение нескольких часов, Эвери окончательно уверилась в собственной слабости. Она страстно желала этого человека. Пришлось призвать на помощь всю свою волю, чтобы не обернуться и не признаться ему, что она согласна сдаться на его милость, и попросить Камерона побыстрее подыскать какое-нибудь укромное местечко, чтобы она смогла доказать, как сильно она его хочет. Единственным утешением для Эвери служила уверенность в том, что Камерон испытывает такие же муки. Она сидела, тесно прижавшись к нему спиной, и совершенно явственно ощущала доказательство его желания.

Как только ей развязали руки, Эвери поспешила в кусты, примирившись с тем, что ее конвоир – огромный, широкоплечий детина по прозвищу Малыш Роб – не отстает от нее ни на шаг. Она увидела, как от смущения лицо его залилось румянцем и он не смел поднять на нее глаза. Как ни странно, это обстоятельство позволило Эвери если и не чувствовать себя совсем уж непринужденно, то по крайней мере не испытывать сильного унижения.

Наконец Эвери вернулась к отряду Камерона и поискала глазами Джиллиану. Увидев ее, она едва сдержала улыбку: кузина тоже возвращалась из кустиков, и за ней следом тоже тащился здоровенный воин. Вид у Джиллианы был такой, словно она вот-вот набросится на него с кулаками. Но самое смешное заключалось в том, что конвоир, похоже, и в самом деле побаивался эту малышку. Но тут до Эвери дошло, что, находясь под охраной двух огромных мужчин, они вряд ли смогут сбежать, и ей стало не до смеха.

– Ты что, намерен подслушивать? – набросилась Джиллиана на своего охранника, подходя к Эвери.

Оба конвоира отскочили от девушек, и Эвери расхохоталась.

– Они делают то, что им приказал Камерон, Джилл, – успокоила она кузину.

– Я знаю, – буркнула девочка. – Потому-то я и веду себя, как подобает настоящей леди, каковой на самом деле являюсь, а не бью этого идиота по голове первой подвернувшейся под руку палкой. – Несколько раз прерывисто вздохнув, она смиренно скрестила руки. – Ну вот, я уже успокоилась.

– Тебе это и в самом деле помогает?

– Иногда. Когда я не злюсь по-настоящему. Как ты верно заметила, Колин ни в чем не виноват. А вот этот черноволосый негодяй, который завел привычку привязывать тебя к кровати и к седлу, пусть держится от меня подальше. Ну как ты?

– Все хорошо, – улыбнулась Эвери. Взяв Джиллиану за руку, она вместе с ней отошла в сторонку и, услышав за спиной торопливые шаги конвоиров, поморщилась.

– Правда? А мне показалось, тебя что-то беспокоит. Разве нет?

– Твоя интуиция обычно тебя не подводит.

– Тебя тоже. Ведь именно ты почувствовала опасность в тот день, когда на замок напали люди Де Во.

– И это сослужило нам хорошую службу.

– Верно. Мы остались живы. Если бы нас застали врасплох, мы бы погибли. А так мы успели предупредить всех, кто был в замке. Правда, полностью подготовиться к налету им не хватило времени, и если бы ты не скомандовала, большинство из них не успели бы выхватить мечи. Даже когда мы пустились наутек, было ясно, что твой призыв не пропал даром.

– Разве? – Эвери приятно было узнать, что благодаря ей, быть может, хоть несколько человек успели спастись.

– Ну да. Сначала слышался звон мечей и лишь потом стоны умирающих.

– Но стоны все-таки были...

– Как это ни печально, да. Но звон клинков свидетельствовал о том, что кто-то отражает натиск вояк Де Во и помогает другим спастись. Не расстраивайся. Давай помолимся за души погибших и за то, чтобы их оказалось не слишком много.

– Я часто вспоминаю их всех, – грустно прошептала Эвери.

– Сейчас необходимо подумать о наших насущных проблемах.

– Верно. О Пейтоне. Что сделать, чтобы он не женился на сестре Камерона?

– Верно, – согласилась Джиллиана и, взглянув на Эвери, произнесла: – И как успокоить твое встревоженное сердце.

– Ты считаешь, мое сердце встревожено?

– Да. Нелегко гореть в таком пламени.

– Ты права, – кивнула Эвери. – Эта страсть сводит меня с ума. Но знаешь, Камерон, по-моему, тоже страдает. – Она улыбнулась Джиллиане, но уже через секунду снова посерьезнела. – Боюсь, я не смогу долго продержаться.

– Значит, мы должны придумать способ, как не дать Камерону вдоволь насладиться победой.

Эвери кивнула.

– Я уже начала это делать. Во-первых, нужно дать Пейтону знать, что надо мной не надругались, а я добровольно и охотно отдалась Камерону. Чтобы Пейтон не испытывал чувства вины по этому поводу.

– Ты здорово придумала! План Камерона не удастся.

В этот момент Эвери заметила, что к ним приближается Камерон, и, почувствовав, как исступленно заколотилось сердце, тихо чертыхнулась. Впрочем, ее состояние можно было понять, ведь этот негодяй – необыкновенно привлекательный мужчина. И тем не менее ей предстоит превратить свою слабость в силу, а унижение, которому хочет подвергнуть ее Камерон, – в поступок, которым она сможет гордиться. Это будет нелегко сделать, ведь при одном прикосновении к Камерону, при одном взгляде на него она теряет разум.

– Но сначала, – прошептала она так тихо, чтобы только Джиллиана могла ее услышать, – я постараюсь вскружить ему голову, да так, что, когда я наконец сдамся, он и думать забудет о мести. Я доведу его до сумасшествия.

Видя, что сестренки Мюррей лучезарно ему улыбаются, Камерон замедлил шаг. Улыбки этих хрупких, изящных девиц, кажется, были искренними. Их необычные глаза искрились смехом. Любому мужчине приятно, когда на него так смотрят. Но когда Камерон, взяв Эвери за руку, повел ее к лошади, у него почему-то возникло желание нацепить на себя все доспехи, которые только попадутся под руку. Интересно, почему улыбки этих девчонок оказывают на него такое

странное действие?

Глава 4

– Что-то мы с тобой, Джилл, чересчур расслабились, – вздохнула Эвери, когда они с кузиной прогуливались близ лагеря Макалпина.

– Разве? – Джиллиана остановилась, чтобы взглянуть на маленький голубой цветок. – Весной всегда ощущаешь покой, – ответила она и, взяв Эвери под руку, повела ее дальше.

– Но, по-моему, из-за этого покоя мы забыли о том, что мы пленницы, и о планах Камерона, касающихся Пейтона.

– Нелегко помнить о таких неприятных вещах, когда в воздухе пахнет весной. Даже если тебя постоянно привязывают веревкой к седлу, как это проделывают с тобой.

– Мне сначала обматывают запястья шелковой тканью, так что я этих веревок совсем не чувствую и даже начала к ним привыкать. Да и злость моя заметно поутихла. Знаешь, что меня беспокоит? Что от постоянного желания у меня в голове туман и мне кажется, я вижу чарующий сон и поэтому временами, представь, забываю о том, почему и куда мы едем с Макалпином и его людьми.

– Насколько я помню, ты собиралась сделать так, чтобы это у него в голове был туман. Ты сама мне это сказала не далее как три дня назад.

Эвери вздохнула.

– Теперь я уже и сама не знаю, чего хочу. Настроение Камерона с каждым днем становится все хуже, но я никак не могу понять отчего. То ли оттого, что я его мучаю, то ли у него вообще скверный характер? Или осуществить свой план отмщения он теперь по каким-то причинам не может? По правде говоря, мне уже начинает казаться, что я испытываю к этому человеку не просто страсть, а гораздо более глубокие чувства.

– Тогда действуй, как кузина Элспет.

– Бегать от него, пока он меня не догонит? – Эвери рассмеялась, Джиллиана подхватила ее смех. – Я не умею так быстро бегать, как Элспет. Одно-единственного поцелуя недостаточно, чтобы понять, что это именно тот мужчина, который мне нужен. А может быть, именно поэтому я сгораю от желания, несмотря на то что он собирается использовать меня, чтобы отомстить моему брату. Но именно это и делает невозможными наши дальнейшие отношения.

– Думаю, ты ошибаешься, – пожала плечами Джиллиана. – Еще неизвестно, чем все кончится, и ты зря предаешься меланхолии. Ты должна решить, чего ты хочешь. Хочешь заставить его потерять голову, так действуй. Я не говорю, что путь, который ты изберешь, будет усыпан розами, что все у тебя сложится легко, но и не думаю, что тебя ждут одни страдания.

– Наверное, ты права. Но как бы то ни было, я считаю, что мы рано перестали сопротивляться нашим похитителям.

– Не думаешь же ты, что нам удастся сбежать?

– Я тоже не слишком в этом уверена, однако попытаться стоит. – Она взглянула на Джиллиану, и они понимающе улыбнулись друг другу.

– И в самом деле, смелости у нас для этого хватит. – Джиллиана оглянулась и, поискав глазами их охранников, прошептала: – Малыш Роб и Колин довольно далеко от нас и о чем-то увлеченно спорят.

– Что ж, рискнем? На счет «три»? – Джиллиана кивнула и подобрала юбку, готовясь бежать. Эвери начала считать: – Один, два, три!

И, сорвавшись с места, они пустились наутек.

Когда по лагерю пронесся крик, Камерон чертыхнулся и, сунув за пазуху карту, которую он изучал с кузенком Лерганом, вскочил на ноги. Первое, что его удивило, когда он увидел мчавшихся как ветер девушек, это то, как быстро они

умеют бегать.

– Черт бы побрал Малыша Роба и Колина! – в гневе вскричал он, бросаясь за ними вдогонку. – Я же приказал им глаз не спускать с этих девчонок!

– Ты не можешь возложить вину целиком на парней, – произнес бегущий рядом с ним Лерган. – Кто бы мог подумать, что наши пленницы отважатся на такое! Ведь они до сих пор так примерно себя вели.

– Именно поэтому нам нужно было держать ухо востро.

– Ты говоришь о них так, словно они не девчонки, а умные и опасные противники, – хмыкнул Лерган на бегу.

– Мать Эвери умудрилась сама, безо всякой помощи целый год скрываться от Де Во, мстительность которого всем известна. Отец Эвери сумел потом вывезти ее из Франции, хотя за поимку их обоих была обещана щедрая награда. Ее кузина недавно вышла замуж за сэра Кормака Армстронга – человека, который скрывался от мстительных Дугласов в течение двух лет или даже больше.

– О господи! – ахнул Лерган, потрясенный рассказом кузена. – Значит, этим девчонкам было у кого поучиться.

– Ага. Кроме того, они чертовски хорошо умеют бегать. Ты беги за маленькой.

– Они обе маленькие.

– Я имею в виду Джиллиану. А я побегу за этим исчадием ада.

Лерган рассмеялся, а Камерон даже не улыбнулся.

Обнаружив, что Эвери пытается от него сбежать, он пришел в такую ярость, что даже сам удивился. Неужели она не испытывает к нему такой же слепой страсти, какой он воспылил к ней? Нет, этого не может быть. Она разделяет его чувства, он это знает. Наверное, поэтому она и хочет убежать.

Мрачная улыбка не сходила с губ Камерона, пока он неслился по лесу следом за Эвери. Он не даст ей удрать, особенно теперь, когда он так близок к осуществлению своего заветного желания. Когда сегодня ночью они остановились на ночлег, он понял, что Эвери охвачена таким же неистовым желанием, как и он. Несколько раз во время мучительного путешествия в седле он слышал, как с ее полных губ срывается тихий сладострастный стон, чувствовал, как она трепещет в его объятиях даже от легкого прикосновения. И теперь, мчась за ней по лесу, он был охвачен не жаждой мщения, а твердой решимостью не упустить восторга, который он вскоре сможет испытать.

Эвери взмахом руки показала Джиллиане, чтобы та бежала направо, а сама свернула налево. Таким образом она вынудила своих преследователей разделиться. Не сбавляя скорости, Эвери оглянулась и увидела, что их всего двое: Камерон и его кузен Лерган, красивый, высокий мужчина. Остальные преследователи, если таковые имелись, судя по всему, отстали.

Эвери начала уставать. Камерон был уже близко, и в этот момент она услышала крик Джиллианы. Эвери резко остановилась, прислушалась и бросилась в ту сторону, куда побежала кузина. И вот за деревьями она увидела девочку, вырывающуюся из медвежьих объятий Лергана. И тут же с удовольствием отметила, что Камерон, не ожидавший, что она так круто изменит направление, помчался за ней.

Эвери на полной скорости врезалась в Лергана. Охнув, тот отпустил Джиллиану и, не удержавшись на ногах, рухнул на землю, уткнувшись носом в траву. Усевшись верхом ему на спину, Эвери схватила Лергана за длинные волосы и принялась колотить его головой о землю. Джиллиана подбадривала ее восторженными криками, которые очень скоро переросли в пронзительный визг. Обернувшись, Эвери увидела, что Камерон крепко прижимает ее к себе. Выхватив из ножен кинжал Лергана, Эвери, схватив его за волосы, приставила лезвие к горлу.

– Отпусти девочку, иначе ему конец! – крикнула она Камерону.

– И не подумаю, – невозмутимо ответил Камерон. – И ты ему ничего не сделаешь.

– Ты в этом уверен?

– Надеюсь, ты в этом уверен, кузен, – прохрипел Лерган, лицо которого было бледным как полотно.

– Еще как уверен, – ухмыльнулся Камерон. – И в том, что она тебе ничего не сделает, и в том, что не сбежит без этой сопливой девчонки.

– Сопливой девчонки?! – задохнулась от возмущения Джиллиана.

– Не сбегу, – вздохнула Эвери и, отпустив Лергана, встала.

Лерган тоже поднялся и, отряхнувшись, повернулся к Эвери.

– Мой кинжал, пожалуйста.

Чертыхнувшись, Эвери сунула кинжал в протянутую руку. Джиллиана, которую Камерон сразу же отпустил, бросилась к ней, и она крепко обняла кузину за плечи. Эвери не боялась, что Камерон ее накажет, хотя вид у него был самый что ни на есть свирепый. Она была уверена, что он ее и пальцем не тронет. Самое большее, на что он способен, – это отругать ее и приставить к ней дополнительную охрану.

– Ты и в самом деле рассчитывала сбежать? – спросил Камерон, когда, держа Эвери за руку, тащил ее к лагерю.

– Почему бы не помечтать об этом? – буркнула Эвери.

– И как далеко ты думала уйти без лошади и еды?

А он не дурак, вздохнула Эвери. Зато ее он, похоже, считает круглой идиоткой. Но не станешь же рассказывать ему, что своим поступком она просто хотела его позлить.

– Мы рассчитывали укрыться в ближайшей церкви, – проворчала она.

– Совершенно верно, – подхватила Джиллиана. – Мы хотели найти там убежище.

– И вы думаете, я вам поверю?

Девчонки одновременно пожали плечами, а Камерон хмыкнул. Когда они подошли к лагерю, к ним подбежали двое охранников с красными от смущения лицами.

– Не дайте им снова обвести себя вокруг пальца, – сердито проговорил Камерон, толкнув одну девушку к Малышу Робу, а другую – к Колину. – Не смотрите, что на вид они такие беспомощные. Хитрости и ума им не занимать.

– Так, значит, они собирались искать убежище? – смеясь, спросил Лерган, когда они с Камероном направились к своей палатке.

– Чертовы девчонки, – пробурчал Камерон. – Они что-то задумали. Вряд ли они рассчитывали, что их побег удастся, слишком они для этого умны. Потому-то и пустились наутек, ничего с собой не прихватив.

– Тогда зачем они вообще все это затеяли?

– Не удивлюсь, если только для того, чтобы меня позлить.

– Ты думаешь, они нас раскусили? – спросила Джиллиана, когда они с Эвери уселись возле палатки Камерона, собираясь приступить к вечерней трапезе.

– Мысль о том, что нам просто захотелось его позлить, могла прийти ему в голову, – задумчиво произнесла Эвери, – но он наверняка считает, что это не единственная причина, по которой мы пытались бежать. Без сомнения, он постарается усмотреть в нашем поступке что-то гораздо более серьезное.

– Кажется, он не слишком-то доверяет женщинам...

– Он им вообще не доверяет.

– Что ж, тем труднее тебе будет завоевать его сердце, если ты захочешь это сделать.

– Если оно у него есть, – буркнула Эвери.

– Думаю, что есть, просто он об этом забыл. Встречаются такие мужчины.

– А встречаются и такие, которые, даже если и испытывают к женщине какие-то чувства, не считают нужным их показывать.

Джиллиана кивнула и посмотрела на кузину:

– Но он тебя хочет.

– Это еще не означает, что он испытывает ко мне какие-то чувства. Мужчина легко может возжелать любую женщину и при этом ее не любить. – Она вздохнула. – Впрочем, иногда в броне, в которую мужчина заковывает свое сердце, может обнаружиться трещина. Но поскольку я не вижу Камерона насквозь и не знаю, есть ли у него эта трещина, а если есть, то становится ли она шире, я могу полагаться лишь на свою интуицию. Вот только я не уверена, что могу ей доверять.

– Хотелось бы мне, чтобы мужчина, которого я когда-нибудь полюблю, не был для меня тайной за семью печатями.

– Может быть, тебе повезет.

– Хотелось бы. К сожалению, когда речь идет о тех людях, которых я хорошо знаю или люблю, чутье меня подводит.

– Особенно в те минуты, когда тебе хотелось бы, чтобы оно было острым.

Джиллиана засмеялась.

– Тетя Молди говорит, что чутье у меня никогда не пропадает, просто я ему не доверяю, когда дело касается человека, которого я люблю всем сердцем. Мне кажется, ты любишь Камерона, – шепотом добавила она.

Эвери бросила взгляд на Камерона, который как раз в этот момент обходил свой лагерь, и снова вздохнула.

– Думаю, ты права, хотя я знаю его всего одну неделю и он даже не пытался за мной ухаживать. Сама не пойму, что со мной происходит. Кажется, я уже готова броситься ему на шею. Единственное, что меня удерживает, – это сознание того, что Камерон хочет использовать меня против моей семьи.

– Ты испытываешь к нему страсть?

– Да. По-другому это и не назовешь, – бросила Эвери, глядя, как Камерон с кузеном направляются к лесу, и не в силах оторвать взгляда от его упругих, мускулистых ягодиц, горя желанием прижаться к ним руками. – Несколько раз за сегодняшний день я хотела сбросить этого негодяя с седла, но не для того, чтобы посмеяться над ним, а чтобы прыгнуть на него сверху и воплотить в жизнь обуревающие меня безумные желания.

– Так воплоти.

– Не могу. Я уже объяснила, что меня удерживает.

Джиллиана раздраженно сжала кулачки.

– Поверь мне, сестренка, когда он наконец овладеет тобой, то вообще забудет о Пейтоне, о своей сестре и о мести. Но ты должна совершенно ясно дать ему понять, что это не он тебя берет, а ты отдаешься ему по собственному желанию. Пусть он знает, что ты делаешь только то, что хочется тебе, тогда он не сможет использовать тебя против твоего брата или твоего клана. А поскольку он мужчина и так же самонадеян, как и все прочие представители этой породы, он не верит, что ты сможешь лишить его такого оружия. А ты сможешь. И пусть эта уверенность придаст тебе сил.

– Рискованно все это, – вздохнула Эвери.

– Верно. Но ведь ты хочешь получить Камерона на своих условиях?

– Да.

– Ну и когда же ты намерена сдаться?

– Еще не знаю. Думаю, буду мучить его столько, сколько сама выдержу.

И Эвери с Джиллианой весело рассмеялись.

– Они опять хохочут, – взглянув на сестер Мюррей, сказал Камерон Лергану, когда они возвращались в лагерь.

Хмыкнув, кузен покачал головой:

– Эти девочки не похожи ни на одну из тех, кого мы с тобой знаем.

– Эти проклятые сопливые девчонки превратили мою жизнь в сплошную муку!

– Ты настолько сильно ее хочешь?

– Я этого не говорил.

– Это и так видно.

Камерон, хмуро взглянув на Лергана, бросил:

– Что ж, ты прав. Я ее хочу. И это лишь облегчает мою задачу. Трудно было бы осуществить мой план мести, если бы я не испытывал к ней никаких чувств.

– И ты не собираешься ждать, когда мы вернемся домой, чтобы точно узнать, виноват сэр Пейтон или нет?

– Моя сестра, моя тетушка и Йен – все в один голос заявляют, что он виновен. Так чего мне ждать? Нет, сэр Пейтон Мюррей заплатит за то, что совершил, и поступит с моей сестрой так, как подобает порядочному человеку.

– И если он это сделает, ты поступишь с его сестрой точно так же?

– Не понял?

– Ты хочешь соблазнить его сестру, чтобы заставить его жениться на твоей сестре. Если он это сделает, его сестра останется опозоренной. А ведь она не сделала тебе ничего плохого.

– Но я не хочу на ней жениться! Мне не нужна жена! – вспыхнул Камерон, понимая, что Лерган усмотрел слабое место в его плане.

– А что, если сэр Пейтон тоже не хочет жениться, что тогда?

– Если ты не прекратишь эту болтовню, я тебе шею сверну. – Лерган замолчал, и Камерон удовлетворенно хмыкнул. Он знал, что Лерган остался при своем мнении. – Отведи Джиллиану к женщинам, – приказал он, когда они подошли к его палатке.

Как только Лерган с Джиллианой отошли, Камерон уселся рядом с Эвери и уставился на огонь. Он хотел выбросить слова кузена из головы, но должен был признать, что кузен прав. План его с изъясном, возразить на это нечего. Он намерен заставить Пейтона Мюррея жениться на своей сестре, чтобы восстановить ее доброе имя, в то время как сам не собирается сделать то же самое по отношению к Эвери. Как ни уговаривал себя Камерон, что он хочет отомстить Пейтону только потому, что тот опорочил его сестру, его не покидало чувство вины. И в то же время он знал, что никогда ни на ком не женится.

Когда Эвери ушла в палатку, Камерон взял оставленный ею бурдюк с вином и сделал большой глоток. Ему хотелось напиться до бесчувствия. И не только для того, чтобы утихомирить яростное желание, но и для того, чтобы забыть обо всем и спокойно выспаться. К сожалению, он не мог себе позволить напиться. Завтра предстоял длинный переход верхом, и он был бы последним идиотом, если бы начал новый день с головной боли.

Наконец решив, что Эвери уже достаточно побыла одна, Камерон встал и откинул полог. Одного взгляда на нее оказалось достаточно, чтобы в груди Камерона вновь вспыхнул безумный огонь страсти. Ему хотелось сорвать с себя одежду и заняться с Эвери любовью. Хотелось покрыть поцелуями каждую клеточку ее стройного золотистого тела. Хотелось услышать ее сладостный стон, когда она содрогнется в экстазе.

Чувствуя, как исступленно заколотилось сердце, а ладони покрылись липким потом, Камерон чертыхнулся и разделся, оставив лишь набедренную повязку. Наскоро умывшись, он лег рядом с Эвери и привязал ее запястье к своему полоской из мягкой ткани. Даже в темноте было видно, какой яростью полыхают ее глаза.

– Ты и в самом деле решила, что тебе удастся удрать? – спросил Камерон, подвигаясь к Эвери. Тела их соприкоснулись, и, почувствовав, что она затрепетала, Камерон криво улыбнулся. Пусть она помучится, ведь ему тоже приходится нелегко.

– Нужно не упускать шанс, когда он тебе предоставляется, – назидательно произнесла Эвери и тихонько что-то пробурчала, обнаружив, что отодвигаться ей больше некуда и придется терпеть прикосновение его теплого, сильного тела.

– Без еды, воды, одеял, лошади?

– Да. Мы добыли бы все это по дороге.

– В стране, населенной вашими заклятыми врагами? – ехидно поинтересовался Камерон.

– Шотландия тоже не изобилует нашими друзьями и сторонниками.

Камерон рывком подмял Эвери под себя.

– Я тебе не враг, Эвери.

– Ну конечно, нет. Ты из самых дружеских побуждений решил опозорить меня и использовать мой позор против моего клана.

– Значит, если бы кто-то обидел члена твоей семьи, ты бы ему простила да еще стала бы молиться за него?

– Я бы не стала использовать невинного, чтобы наказать виноватого. К тому же мой брат невиновен.

Вздыхнув, Камерон прильнул к ее губам. Эвери охотно ответила на его поцелуй, да с таким жаром, что у него перехватило дыхание. Соски ее затвердели, она подалась к нему всем своим гибким телом, давая понять, что разделяет его страсть. Прервав поцелуй и подняв голову, чтобы взглянуть ей в глаза, Камерон поймал себя на том, что дышит, словно загнанная лошадь. Грудь Эвери бурно вздымалась и опадала, и это принесло ему некоторое удовлетворение. Он знал, что может взять ее сейчас, но не будет этого делать. Он дождется, когда она сама попросит его заняться с ней любовью.

– Ты так и будешь сопротивляться тому, что между нами происходит? – спросил Камерон, отодвигаясь от нее.

– Да.

– Неужели ты не видишь, что я горю от желания? И ты тоже.

– Я? Я холодна и спокойна, как озеро в тихий летний вечер. – И, не обращая внимания на презрительный смешок Камерона, добавила: – Я не позволю тебе осуществить твой гнусный план мести и причинить боль моим родным.

– Только одному из них. Сэру Пейтону.

– Я буду так же упорно сражаться, чтобы спасти моего брата, как делаешь это ты, чтобы спасти свою сестру. Спокойной ночи, Камерон.

Камерон не ответил, и Эвери попыталась успокоиться и заснуть.

– Ты сдашься, Эвери, – убежденно произнес он через несколько минут. – Нас слишком сильно влечет друг к другу. Ты не сможешь долго сопротивляться.

– Может быть, – согласилась она. – Но тебе не удастся погубить моего брата.

Услышав это «может быть», Камерон почувствовал, как сердце его наполнила отчаянная радость. Эвери еще не сдалась, но уже готова это сделать. Недолго осталось ждать. Камерон закрыл глаза. Утром он удвоит свои усилия, сломит ее волю и заставит сказать «да». Оставалось лишь надеяться, что сам он при этом не сойдет с ума.

Глава 5

Эвери не могла поверить своему счастью: руки у нее развязаны! Прошло уже двое суток с тех пор, как они с Джиллианой вынудили Камерона гоняться за ними, и, как она и ожидала, он удвоил бдительность. А теперь преисполнился решимости ее соблазнить. Эти две ночи дались ей нелегко. Они были слишком долгими и мучительными. Дни тоже не приносили им радости. Оба они, и Эвери, и Камерон, устали сражаться друг с другом. И именно поэтому сейчас она сидит на лошади непривязанная. Камерон был слишком измучен долгой дорогой, чтобы вспомнить о том, что ее следует привязать.

Эвери огляделась по сторонам в поисках Джиллианы и наконец увидела ее стоящей рядом с другими женщинами. Если она сумеет привлечь ее внимание, они смогут опять сбежать. Джиллиана умеет молниеносно вскакивать в седло, и на сей раз они возьмут с собой все необходимое. Так почему же она медлит, а не скачет сломя голову к кухне? Ответ на этот вопрос можно было легко сформулировать: из-за Камерона. Эвери ненавидела себя за то, что мешкает, однако не могла сдвинуться с места.

Словно прочитав ее мысли, Камерон подошел к ней и погладил ее ногу в стремени. На лице его было написано такое самодовольство, а глаза сверкали такой уверенностью в скорой победе, что Эвери и думать забыла о своих сомнениях. Лениво улыбнувшись, она повертела перед его носом несвязанными руками и с удовольствием увидела недоумение в его глазах. Пнув его ногой в грудь с такой силой, что он рухнул на землю, Эвери пришпорила жеребца и громко крикнула:

– Джиллиана!

Кухина отреагировала мгновенно. Эвери пришлось лишь слегка придержать коня, чтобы та успела ее догнать и вскочить в седло позади нее. Девушки вихрем помчались прочь из лагеря. Эвери услышала разъяренный вопль Камерона и громко засмеялась.

Изрыгая страшные проклятия, Камерон вскочил на ноги. Его вовсе не удивили те легкость и умение, с какими Эвери управлялась с его огромным жеребцом, и то, как Джиллиана ловко вскочила на ходу в седло. Он уже давно понял, что от этих несносных девчонок нельзя отходить ни на шаг, а удивляться, когда они задумывали очередные каверзы, уже давно перестал. Задыхаясь от злости, Камерон приказал немедленно оседлать коня и с облегчением вздохнул, увидев, что Лерган уже спешит к нему, держа под уздцы двух лошадей.

– Не ты ли приказал глаз с них не спускать? – насмешливо протянул Лерган, вскакивая в седло.

– Еще одно слово, и я отрежу тебе язык! – загремел Камерон и, пришпорив коня, пустил его в карьер.

Лерган мчался рядом. Похоже, угроза кузена не произвела на него никакого впечатления.

– Не думаю, что ты их догонишь. Твой жеребец самый быстрый из всех, какие у нас есть, а девчонки, похоже, родились в седле.

– Но они не знают местности и понятия не имеют, в какую сторону ехать.

– Может быть. Но чтобы не попасться нам в руки, им достаточно спрятаться.

Камерон придерживался того же мнения и именно этого и опасался. Если девчонки не знают, куда скажут, то он и подавно. А это означает, что вскоре ему придется выслеживать их по следам, – процедура медленная и дающая несносным кузинам явное преимущество. Но самое неприятное, если окажется, что они умеют замечать следы. Эти девицы уже не раз демонстрировали такие навыки, о которых благовоспитанные девушки даже понятия не имеют. Камерон твердо решил взять верх над худосочными девчонками, даже если ему придется выслеживать их до самых ворот Донкойла.

В полдень Эвери решила наконец дать лошади передышку. Девушки спешили, издавая жалобные стоны: натруженные тела нестерпимо ныли от долгого сидения в седле. Небольшая рощица, в которой они остановились,

показалась им идеальным местом для отдыха – тенистая, прохладная. Неподалеку журчал ручеек, по берегам которого росла сочная зеленая трава. Джиллиана помогла Эвери вытереть, напоить и привязать лошадь, после чего, оставив ее пастись, кузины рухнули на траву, укрывшись от солнца в тени большого дерева. Прошло несколько минут, прежде чем они заставили себя открыть сумки, чтобы посмотреть, нет ли в них какой-нибудь еды или питья. Они нашли и то и другое, а кроме того, к радости Эвери, и карту Камерона. Пока Джиллиана грызла овсяную лепешку, запивая ее вином, Эвери внимательно изучала карту.

– Мы с тобой не знаем, где находимся, и потому нам будет трудно определить, в какую сторону следует ехать, – произнесла Джиллиана и, прислонившись к толстому стволу дерева, закрыла глаза.

– Верно. Но в любом случае эта карта нам здорово поможет, – ответила Эвери, прислоняясь к стволу рядом с кузиной.

– Как ты думаешь, Камерону долго придется нас искать?

– Думаю, дольше, чем нам хотелось бы. Он упрямый тип.

– Мы ведь увели его жеребца.

Эвери ухмыльнулась:

– Угу. Но мне кажется, он будет нас искать в основном из-за уязвленного самолюбия. Как же, две слабые девчонки его перехитрили!

Джиллиана согласно кивнула.

– Любому на его месте это было бы неприятно. Я просто диву далась, как это ты вдруг решила бежать.

– Вовсе не вдруг. – Эвери вздохнула. – Я долго колебалась. Но потом он так взглянул на меня...

– Как «так»?

– С таким самодовольством, что я сразу перестала колебаться. Пнула его ногой в грудь, он и покатился по земле.

Джиллиана хихикнула, Эвери криво улыбнулась.

– Что ж, сам виноват, – продолжала она. – Если бы он не смотрел на меня так самоуверенно, я бы до сих пор сидела и размышляла – бежать или остаться. Мне нелегко было на это решиться. Хотелось быть с ним рядом. Ведь, если мой побег удастся, я никогда больше его не увижу.

– Не мучь себя, – заметила Джиллиана, похлопав кузину по руке. – Поскольку ты влюблена в Камерона, вполне естественно, что тебе не хотелось его покидать, особенно когда ты думала, что это, может быть, навсегда. Пейтон бы тебя понял.

– Я знаю и все равно чувствую себя виноватой. Но больше всего я жалею о том, что не уступила Камерону, перед тем как решила сбежать, хотя бы один раз.

– Я бы на твоём месте испытывала такие же чувства.

– Правда?

– Правда. Такая сильная страсть встречается редко, но всем хочется ее испытать. Помнишь, наши родители и Элспет нам об этом рассказывали? И страсть эта идет рука об руку с любовью. И ты могла бы ее испытать. – Джиллиана подмигнула Эвери. – Попытайся успокоить себя мыслью, что Камерон сам виноват в том, что ты от него сбежала.

– Ты, как всегда, права, – прошептала Эвери, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не расплакаться. – Этот идиот Камерон сам во всем виноват. И его сестричка – тоже. Может быть, и в самом деле нам стоило от него сбежать? Боюсь, если бы я встретилась с его сестрой, у которой хватило наглости обвинить Пейтона в столь подлом поступке, я бы ей все волосы выдрала. – Она встала и отряхнулась. – Думаю, нам пора трогаться в путь. Сейчас можно ехать помедленнее.

– Ты уверена? – спросила Джиллиана, направляясь следом за кузиной к лошади.

– Если Камерон с Лерганом нас до сих пор не догнали, значит, мы намного их опередили и хорошо замели следы. – Эвери вскочила в седло, но в тот момент, когда Джиллиана устроилась у нее за спиной, она вдруг заметила, как за деревьями что-то блеснуло. – Вот черт! Неужели они все-таки нас выследили? – Но уже через секунду она поняла: это блещут на солнце доспехи и принадлежат они не двум мужчинам, а воинскому отряду. – Это не они, – испуганно шепнула она.

Эвери направила лошадь через ручей, намереваясь укрыться в густом кустарнике, растущем на другом берегу.

– А кто? – тихо спросила Джиллиана, крепко обхватив кузину за талию.

– Не знаю. Похоже, там целая армия. Нужно спрятаться.

– Спрятаться? А может, лучше быстрее ускакать отсюда?

– Они слишком близко, – шепотом ответила Эвери, направляя лошадь к кустам. – И мне кажется, следует выяснить, кто еще, кроме нас, бродит по лесу.

Эвери успокаивающе погладила лошадь по холке, боясь, что могут услышать конское ржание. Сквозь переплетение густых ветвей было видно, как отряд направился к ручью, чтобы напоить лошадей. Эвери разглядела их знамя и похолодела: это были люди Де Во, причем вооруженные до зубов, следовательно, в путь они пустились явно не с добрыми намерениями.

– Эвери? – подала голос Джиллиана, требуя разъяснений.

– Тихо! Может быть, мне удастся услышать хоть обрывки разговора этих мерзавцев, чтобы понять, зачем они сюда явились.

Вскоре Эвери решила, что услышала более чем достаточно. Де Во намеревался вернуть свои деньги и не собирался отступать, даже если бы для этого потребовалось перебить Макалпинов всех до единого. Глупо было думать, что этот подонок позволит Камерону уехать с его деньгами. Проследив, как отряд отправился в ту сторону, где расположился лагерем Камерон, Эвери быстро просчитала в уме варианты: они могли либо продолжать свой путь, либо

вернуться к Камерону, чтобы предупредить его о нападении. Эвери вздохнула. Зачем кривить душой? Она приняла решение в тот миг, как поняла, что Макалпину и его людям грозит опасность.

– Де Во собирается их убить, – дрожащим голосом произнесла Джиллиана.

– Я знаю. – Эвери покачала головой. – Жаль. На сей раз наша попытка сбежать могла бы увенчаться успехом.

– Значит, мы возвращаемся, чтобы предупредить Камерона?

– Да, только надо придумать, как это лучше сделать, чтобы люди Де Во нас не схватили.

Джиллиана кивнула.

– Я была уверена, что ты именно так и поступишь.

– Почему? Камерон собирается использовать нас против нашего клана, против Пейтона. Он хочет потребовать за тебя выкуп, а меня обесчестить. Правда, он со своими людьми не нападал на наших французских родственников, был на стороне Де Во. По идее, мы должны были бы пожелать Де Во удачи, а сами направиться к ближайшему порту. – И Эвери подстегнула лошадь.

– Должны были бы, – сказала Джиллиана, – но поступаем по-другому.

– Совершенно верно. Подставим свои тощие шеи, попытаюсь спасти человека, взявшего нас в плен. И все равно ни Камерон, ни его люди не заслуживают гибели.

– Ты права, – согласилась кузина. – Как ты думаешь, удастся нам добраться до лагеря быстрее этих подонков?

– Мы должны это сделать. Думаю, у нас получится. Похоже, они не спешат.

– Может, они не знают, где находится лагерь Камерона?

– Они могут этого не знать, но то, в какой порт направляется отряд Камерона, знают наверняка. – Эвери пришпорила жеребца, направив его в ту сторону, откуда они с Джиллианой только что приехали. – Очень может быть, что в лагере Макалпина есть шпион, и он снабжает сведениями самого Де Во. И не потому, что хочет предать Камерона, а потому, что не знает, на какое подлое предательство способен этот подонок Де Во. Так что ты хорошенько смотри по сторонам, а я постараюсь добраться до лагеря как можно быстрее.

И Эвери поскакала вперед, моля Бога, чтобы они не опоздали. Несмотря на то что Камерон захватил ее в плен и выдвинул нелепое обвинение против ее брата, она вовсе не хотела видеть ни его, ни кого-то из его людей убитыми и покалеченными. Эвери подозревала, что вела бы себя точно так же, если бы даже не испытывала к этому идиоту нежных чувств. За время короткого знакомства она успела полюбить людей Макалпина и не желала, чтобы они пали жертвами алчного Де Во. Единственное, что она сейчас могла сделать, – это вовремя добраться до лагеря Камерона и предупредить его об опасности.

– О господи! Камерон, ты только посмотри! – изумленно воскликнул Лерган.

Бросив взгляд в том направлении, куда указывал кузен, Камерон остолбенел: Эвери и эта ее несносная кузина Джиллиана возвращались! Но почему? Они ловко обвели его вокруг пальца, сбежали, искусно заметя следы. Он только что признался себе, что не знает, где их искать, а они тут как тут, скачут прямехонько ему в руки!

– Может, они заблудились? – спросил он кузена, сам не веря своим словам.

– Я был бы очень разочарован, если бы это так и оказалось, – заметил Лерган.

– Но почему они возвращаются в лагерь?

– Может быть, потому, что решили выбрать из двух зол меньшее? Их преследуют, кузен!

И только тут Камерон заметил преследователей: двое всадников настигали Эвери. Но Джиллиана, к счастью, заметила Камерона и сказала об этом Эвери. Та

пустила лошадь в карьер, однако Камерон видел, что она с трудом уходит от погони. Он сделал знак Лергану, и они ринулись к преследователям, чтобы успеть их перехватить, пока те не нагнали девчонок.

Эвери казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди. Краешком глаза заметив нагоняющих их людей Де Во, она пришпорила жеребца. Нужно во что бы то ни стало добраться до лагеря Макалпина первыми.

Эвери услышала крик Джиллианы и со страхом оглянулась. Узнав Камерона и Лергана, с облегчением вздохнула. Слава богу, спасены! Но останавливаться нельзя. Нужно как можно скорее предупредить его людей, что Де Во собирается на них напасть.

– Это Камерон и Лерган! – радостно крикнула Джиллиана.

– Я вижу! – крикнула Эвери в ответ.

– Тогда почему ты не останавливаешься?

– Де Во гораздо ближе, чем мы с тобой думали. Нужно предупредить наших.

– Насколько близко?

– При такой скорости они минут через пять-десять будут здесь.

– Тогда давай быстрее, кузина!

– Я и так скачу во весь опор.

Камерон проткнул мечом врага, и тот выпал из седла. Он схватил его лошадь за уздечку и поискал взглядом Лергана. Тот уже расправился со своим противником. Камерон оглянулся, увидел скрывающуюся за деревьями Эвери и нахмурился: девчонка упорно неслась в сторону лагеря. Он привязал лошадь противника к седлу своего жеребца, и в этот момент к нему подъехал Лерган.

– Куда она мчится сломя голову? – удивился Лерган, вскакивая на коня и вместе с кузеном устремляясь в погоню за кузинами Мюррей.

– Мне кажется, нам следует задать другой вопрос: каким образом эти подонки из лагеря Де Во оказались так близко? – буркнул Камерон.

– Так это люди Де Во? Ты уверен?

– Еще как! Я узнал того, с кем только что сразился.

– Значит, они решили напасть?

– Выходит, что так.

Чертыхнувшись, Лерган заметил:

– Кажется, девчонки пытаются нас спасти.

Камерон кивнул. Этот их поступок причинит ему немало хлопот. Эвери с Джиллианой решили пренебречь подвернувшейся возможностью обрести свободу ради того, чтобы предупредить его об опасности. Хотя при этом они рисковали жизнью. Его люди наверняка будут требовать, чтобы за такое геройство девчонок вознаградили. Камерон подумал было о том, что Эвери пошла на такой риск лишь затем, чтобы благополучно вернуться домой в сопровождении его людей, – ведь это гораздо безопаснее, чем проделывать такой путь без охраны, – и сам на себя рассердился. Не мог он думать об Эвери настолько цинично.

Но наградить кузин Мюррей, даровав им свободу, он тоже не мог. Он должен отомстить за сестру. С помощью пленницы легче всего отплатить за нанесенное ей оскорбление и найти мужа, который сейчас так необходим сестре. Эвери наверняка поймет, почему он не может отпустить ее на свободу. Однако чувство вины не оставляло Камерона. Она-то поймет, а вот он век будет помнить, что жизнью обязан ей.

– Войско Де Во собирается на вас напасть! – крикнула Эвери, влетая в лагерь Макалпина и натягивая поводья, чтобы остановить взмыленного коня.

– Но они нам не враги, – удивился Малыш Роб.

– Теперь уже враги, – вмешался Камерон, подъезжая, и, прежде чем лошадь успела остановиться, прыгнул на землю. – Они хотят забрать свои деньги.

– Они близко? – спросил Малыш Роб.

Камерон взглянул на Эвери.

– Вас преследовали разведчики?

– Да. Сомневаюсь, что нам с Джиллианой удалось намного опередить довольно большой отряд Де Во. На несколько минут, не больше. – И Эвери, соскочив на землю, помогла Джиллиане спешиться.

– А может, и того меньше, – заметила девочка, ткнув пальцем в ту сторону, где двигалось легкое облако пыли.

Девушки бросились помогать женщинам, которые, подхватив столько вещей, сколько могли унести, пустились наутек. Их сопровождали три паж и два оруженосца, которые вели лошадей. Неподалеку от лагеря все остановились и, укрывшись за деревьями, приготовились к ожиданию. Если удача от мужчин отвернется, женщинам придется спасаться бегством. Лишь один маленький паж должен, спрятавшись, дожидаться конца сражения, после чего сообщить женщинам о раненых, чтобы те могли их забрать. Эвери не стала спрашивать, что они делают с убитыми.

Глядя, как малочисленный отряд Камерона готовится к бою с превосходящими силами противника, Эвери начала шептать молитву. Она просила Бога помочь Макалпинам, не позволить им заплатить слишком высокую цену за то, что они имели глупость связаться с Де Во. Она просила его, чтобы в стремлении вернуть свои деньги Де Во не захотел жертвовать людьми. А еще она молилась о том, чтобы, если случится самое страшное, если люди Макалпина потерпят поражение, они с Джиллианой не оказались в руках своего злейшего врага.

И грянул бой, жестокий, кровавый. Раздался лязг металла – клинок ударил о клинок, – и Эвери покачнулась, словно сама участвовала в сражении, словно ей самой предстояло отразить атаку. Сгрудившиеся в кучу женщины одновременно

тихонько ахнули, и Эвери поняла, не она одна испытала это странное чувство причастности. Никто не смог остаться равнодушным к тому, что происходило сейчас.

Камерон со своими людьми занял оборону на небольшом возвышении. Это давало им некоторое преимущество перед конным противником, а людей Де Во ставило в невыгодное положение. Макалпины образовали плотный круг, внутри которого встали два опытных стрелка. Если войско Де Во не будет настроено чересчур решительно, Камерон сможет выиграть сражение. В сердце Эвери затеплилась надежда.

Вскоре стало невозможно наблюдать за всем сражением сразу, и Эвери теперь следила только за Камероном, задерживая дыхание каждый раз, как Де Во делал очередной выпад, и с облегчением выдыхая, когда Камерон отражал удар. Женщины то и дело тихо вскрикивали, и это означало, что кто-то из людей Макалпина падал бездыханным на поле боя. Эвери не отрывала взгляда от Камерона, молясь за души погибших и за то, чтобы раны тех, кого ранили, оказались несмертельными.

Ей казалось, будто она молится уже несколько часов, хотя она и знала, что на самом деле бой продолжался лишь несколько минут. Наконец войску Макалпина удалось потеснить противника. По всему лагерю лежали раненые и убитые, и теперь Де Во понял, как дорого обходится ему сражение. Сначала один воин помог раненому товарищу уйти с поля боя, потом другой, третий, и вот враг повернулся к Камерону спиной. Эвери призвала на помощь всю силу воли, чтобы остаться там, где стояла, пока люди Де Во не скроются за деревьями. Внезапно она увидела, как у Камерона подкосились ноги и он начал медленно опускаться на землю. Она бросилась к нему – а следом за ней и другие женщины помчались к своим мужчинам, – убеждая себя в том, что Камерон цел, а если и ранен, то совсем легко, и он опустился на колени от усталости, и все будет хорошо.

Глава 6

Не отрывая взгляда от клубов пыли, поднятой копытами коней обратившихся в бегство остатков отряда Де Во, Камерон медленно опустился на колени. У него еще хватило сил сделать знак своим людям последовать за противником, чтобы

убедиться, что тот на самом деле отступает, а не прячется поблизости, после чего без сил рухнул на землю. Сражение было коротким и жестоким, но Камерону показалось, что оно длилось целый день. Рядом слышалось тяжелое дыхание Лергана. Значит, кузен не погиб, пронеслось в затуманенном сознании Камерона, значит, можно немного отдохнуть, а потом, собравшись с силами, подвести итог потерям.

Кто-то осторожно коснулся его плеча, и Камерон с трудом разлепил налитые свинцом веки. Рядом стояла Эвери и смотрела на него потемневшими от страха глазами. Острое чувство вины пронзило Камерона. Он обязан ей своей жизнью и жизнью тех людей, кто не погиб в ходе сражения. Он должен отпустить ее на свободу, но он знал, что не сделает этого. Слишком велики желание, которое он к ней испытывает, и решимость отомстить за поруганную честь сестры.

– Ты ранен? – испуганно спросила Эвери, внимательно разглядывая его.

– Не знаю, – слабым голосом произнес Камерон и принялся ощупывать себя в поисках раны.

– Тебя слегка задела мечом, но это не страшно. Главное, что ты жив.

– Какие у нас потери? – спросил он Эвери, которая уже занялась его раной.

– Один человек погиб, один умирает, трое раненых, но не смертельно. – Промыв рану, Эвери смазала ее целебной мазью и, с удовлетворением взглянув на дело своих рук, принялась накладывать повязку. – Я могла бы зашить тебе рану. Тогда шрам будет меньше.

– Не надо.

Ответ Камерона совсем не удивил Эвери. Мужчины, которые храбро смотрели в лицо смерти и забывали о боли во время сражения, панически боялись простой иголки с ниткой, с помощью которых сшивали раны. Станные они все-таки существа и смешные. Сложив снадобья в мешочек, Эвери встала, намереваясь помочь другим раненым, но прежде чем уйти, порывисто наклонилась и поцеловала Камерона в губы. И была вознаграждена за свой порыв изумлением, отразившимся на его лице. Прежде чем Камерон успел оправиться от потрясения, Эвери уже скрылась из виду.

– А ты гораздо ближе к победе, чем я предполагал, – раздался рядом насмешливый голос Лергана.

Камерон хлопал глазами, с трудом приходя в себя.

– Ты все еще здесь? – сердито буркнул он.

Презрительно фыркнув, Лерган с трудом поднялся и подал Камерону руку, помогая встать.

– Где уж вам меня заметить, когда вы так заняты собой! Хотя в отношении Эвери я не прав. Нужно отдать ей должное. Она и меня осмотрела, чтобы узнать, не ранен ли я.

– Судя по всему, она умеет ухаживать за ранеными.

– Они обе это умеют. – Лерган кивнул на Джиллиану, вместе с Эвери хлопотавшую над ранеными в бою воинами. – Я слышал, что одна из женщин рода Мюррей, жена лорда Ботолфа, известная целительница.

– Охотно верю. – Камерон покачал головой и едва удержался на ногах. – Я начинаю думать, что эти девицы умеют все на свете, и это меня раздражает.

Лерган хмыкнул, но потом серьезно заметил:

– Они спасли нам жизнь...

– Верно, спасли.

– Отказались от отличной возможности сбежать...

Камерон тяжело вздохнул.

– Отказались. Хотя две слабые девочки, которые бродят по окрестностям одни, могут нарваться на большие неприятности.

– Значит, ты не намерен отказаться от своего плана? – сердито поинтересовался Лерган.

– Не могу.

– Из-за сестры?

– Да. Даже если бы Эвери была чистой, кроткой и милой, как ангел небесный, я бы все равно ее не отпустил. Я должен отомстить за сестру. Однако я не буду с ней слишком суров.

– Ты не станешь лишать ее невинности?

– Этого я не могу обещать.

– Еще бы! – фыркнул Лерган, качая головой. – Тебя прямо-таки распирает от вожделения.

– Не нравится – не смотри! – буркнул Камерон и огляделся по сторонам. – Мы не можем здесь оставаться, но далеко тоже не сможем уехать. Не хочу подвергать риску жизнь раненых.

– Я прикажу людям сворачиваться и искать новое место для лагеря.

Проводив Лергана взглядом, Камерон направился к своим людям. Тела погибших воинов Де Во уже оттащили в лес, предварительно тщательно обыскав и забрав все ценное, что у них было. Камерон отметил про себя, что те, кто остался в живых, держатся как настоящие мужчины. Одного из четверых уже завернули в саван, другой лежал неподвижно с белым как простыня лицом – не жилец, подумал Камерон, – а остальные двое ругались на чем свет стоит: кузины Мюррей обрабатывали им раны, и, судя по всему, никакого удовольствия эта процедура раненым не доставляла. Этим двоим ничто не грозит, решил Камерон и склонился над бездыханным телом.

Он смотрел на молодого, лет восемнадцати, не больше, парнишку, и его пронзило острое чувство жалости. Это был Питер – юноша, который отправился во Францию в надежде заработать денег и утолить жажду приключений.

Слишком молод, с грустью подумал Камерон. Слишком молод, чтобы умирать, да еще в таком дурацком сражении. В сражении не за короля и не за свою страну, а против алчного подонка, лишенного совести и чести, пожелавшего вернуть свои деньги, уплаченные им наемникам.

– Он может выжить, – тихо сказала Эвери, подходя к раненому.

– Ты так думаешь? – Приложив палец к вене на шее, Камерон ощутил слабый пульс. – Даже если он выживет, далеко его не увезешь.

– Сейчас, конечно, нет. Однако рана его хоть и большая, но не задела внутренних органов. Он потерял много крови, но кровотечение прекратилось. Если оно не возобновится и если не начнется лихорадка, он быстро поправится и сможет выдержать не слишком тряское путешествие.

– И насколько быстро?

– Дня через два. Думаю, не больше.

Камерон грязно выругался, однако Эвери и глазом не моргнула. Она слышала ругательства и похлеще.

– Мы переедем в новый лагерь, как только Лерган подыщет подходящее место. – Камерон бросил взгляд на убитого. – А это кто? Ты его знаешь?

– Одна женщина сказала, что его звали Адам.

– А... – Камерон испытал облегчение оттого, что этот человек не принадлежал к его клану и не был его солдатом, но тотчас устыдился своих мыслей. – Он пристал к нам по пути, решил, что заработает больше денег, присоединившись к какому-нибудь отряду, нежели в одиночку. А почему ты вернулась? – резко сменил он тему разговора и, пристально взглянув на Эвери, нахмурился: лицо ее было безмятежно.

– Мне не нужна свобода ценой человеческих жизней.

– А я-то подумал, что ты соскучилась по моему красивому лицу.

– Твое лицо так же красиво, как безлунная ночь, – парировала Эвери и склонилась к раненому. Осторожно приподняв Питеру голову, она опустила ее себе на плечо и начала медленно вливать ему в рот снадобье, поглаживая его по горлу длинными пальцами, чтобы юноше легче было глотать.

– Чем это ты его поишь? – с любопытством спросил Камерон, поймав себя на том, что хотел бы оказаться на месте этого парня.

– Это травяной настой. Он придаст ему сил и поможет восстановить потерю крови.

– Другим ты этот настой не давала.

– Другие не так сильно ранены. Они громко стонут и ругаются, а это верный признак скорого выздоровления.

Камерон ухмыльнулся.

– Так, значит, если бы Питер тоже ругался, ты бы сочла его состояние не внушающим опасения?

– Да. – Эвери осторожно опустила голову раненого на одеяло. – Человек, стоящий на пороге смерти, не жалуется, что у него что-то болит или что его пичкают горьким лекарством. Если у него вообще есть силы говорить или думать, он пытается припомнить все свои грехи, беспокоится о том, что ждет его после смерти, и просит об отпущении грехов.

– Ты видела много умирающих?

– Слишком много, – едва слышно произнесла Эвери и, поднявшись, пошла прочь.

Час спустя они разбили новый лагерь. На расстоянии примерно одной мили от прежнего обнаружилась небольшая поляна, там протекал ручей и росло много сочной травы для лошадей. Неподалеку находился высокий холм, с которого открывался великолепный обзор. Теперь Де Во со своим отрядом не сможет

подобраться к лагерю незамеченным.

К тому времени как установили палатки, Камерон искупался, поел и собирался лечь спать. Оглядевшись по сторонам в поисках Эвери, он с раздражением увидел, что они с Джиллианой возвращаются от ручья. Охраны с ними не было. Эвери остановилась возле раненых, чтобы проверить, как они себя чувствуют, и тут Камерон подскочил к ней, схватил за руку и, не обращая внимания на неодобрительные взгляды и ропот окружающих, потащил к своей палатке. Кажется, его осуждают. Как же быстро они забыли об оскорблении, нанесенном его сестре, а следовательно, и всему клану! Втолкнув Эвери в палатку, Камерон вошел следом за ней и налил себе вина.

– Выходит, мой отважный поступок, в результате которого было спасено столько жизней, останется невознагражденным? – ехидно протянула она и, усевшись на походную кровать, принялась стаскивать башмаки.

– Он не может быть вознагражден, – решительно заявил Камерон, садясь на громоздкий сундук из темного дерева, в котором он держал свои вещи. – Ты мне нужна для того, чтобы заставить твоего брата выполнить свой долг по отношению к моей сестре, только и всего.

– А почему бы тебе просто не схватить его и не притащить к алтарю, а там обвенчать со своей сестрой?

– Йен говорил, что так и хотел сделать, но твой брат ловко обходит все ловушки, в которые его пытались заманить.

– Неудивительно. Он прекрасно умеет это делать.

– Значит, он соблазнил не только мою сестру, если так хорошо выучился этому искусству?

– Нет, тупица ты этакий, – проворковала Эвери, сбрасывая с себя платье.

Сначала она подумала было спать в одежде, но потом отказалась от этой мысли. Она уже до смерти устала изображать из себя скромницу. Кроме того, чистая льняная рубашка и изящные льняные штанишки, которые она сама себе сшила,

были достаточно скромными. Ей хотелось узнать, как Камерон себя поведет, увидев, что она раздевается, однако Эвери решила встать к нему спиной. А то, чего доброго, расценит это как вызов. И так ясно, что он глаз от нее не может оторвать. Воцарившаяся в палатке тяжелая, напряженная тишина подтвердила ее догадку, и Эвери, довольная, легла на походную кровать и натянула на себя одеяло.

Камерона и правда поразила та непринужденность, с какой Эвери разделась до рубашки и странных штанишек. Такое впечатление, будто он ее брат или горничная. Или мужчина, к которому она абсолютно равнодушна. А ведь он неплохо потрудился, пытаясь ее соблазнить, и преуспел в этом настолько, что она дрожала в его объятиях от страсти, тяжело дышала и постанывала. Не может быть, чтобы она была к нему совсем уж равнодушна. Наверняка он ей нравится. Только сейчас до него дошло, что она назвала его тупицей, и это вывело его из себя.

– Советую тебе придержать язык, – буркнул он, чувствуя, как от одного слова «язык» желание взметнулось в нем яростной волной.

– А мне кажется, я говорила с тобой очень мило, – промурлыкала Эвери.

Что верно, то верно, мрачно подумал Камерон. Она и в самом деле говорила сладким, как патока, голосом. Камерон решил вернуться к разговору о ее брате. Она наверняка начнет с ним спорить, и это остудит его желание. Сегодня, пожалуй, не стоит пытаться ее соблазнить. После того, что она сделала, было бы нечестно с его стороны не дать ей хотя бы одну ночь передохнуть.

– Вот ты назвала сэра Пейтона красивым, милым, галантным, честным, смелым, умным. В общем, мужчиной, при виде которого у всех девиц текут слюнки. Неужели ты хочешь сказать, что он ими вовсе не интересуется? Что он не пользуется своим обаянием, чтобы затащить их в постель? – ехидно поинтересовался Камерон и улыбнулся, увидев, как Эвери закипает от ярости. Кажется, ему удалось ее спровоцировать.

– Ему нет нужды затаскивать девиц в свою постель! – воскликнула она. – Наоборот, ему приходится их оттуда вышвыривать.

Если Пейтон не отличается тщеславием, то про его сестру такого не скажешь, усмехнулся про себя Камерон.

– Значит, они так и падают к его ногам? – насмешливо спросил он, и Эвери захотелось его ударить.

– Да. Сам увидишь.

– Единственное, что я хочу увидеть, так это твоего брата вместе с моей сестрой на коленях перед священником. Он обязан заплатить за свой проступок.

– А я тебе говорю, что мой брат никогда не стал бы оскорблять женщину! Ему это просто ни к чему. И если бы он спал с твоей сестрой, он не стал бы этого отрицать. Как-то он переспал с невестой Дугласа и честно ему в этом признался. Хотел, чтобы тот знал, на ком собирается жениться. Но Дуглас и так уже раздумал брать ее в жены, узнав о том, что эта девица прикончила троих его родственников. Впрочем, это не важно. Просто я хочу, чтобы ты понял: мой брат – очень порядочный человек.

Из того, что рассказала ему Эвери, Камерон сделал вывод, что Пейтон Мюррей не отличается здравым умом и рассудком. Как можно было признаваться Дугласу в том, что он спал с его невестой? Дугласы не прощают обид. Вероятно, Эвери далеко не все ему рассказала. Что ж, потом он из нее вытянет детали. А сейчас он должен закончить то, что задумал: разозлить Эвери так, чтобы она молча отодвинулась от него на самый краешек кровати.

– Неужели? А я из твоего рассказа понял, что твой брат способен на опрометчивые поступки. Если ты хочешь убедить меня в том, что он святой, не стоило рассказывать, что он спит с чужими невестами.

Эвери пришлось признать, что он прав. Но Камерону она об этом не скажет, пусть он ее хоть на куски разрежет.

– Я хочу убедить тебя не в том, что Пейтон святой, а в том, что он предпочитает держаться от девственников подальше. Думаю, твои родственники вряд ли держали в секрете, что ищут мужа для твоей сестры, а Пейтон всегда тщательно избегает подобных девиц.

– Значит, он не женится на ней?

Говоря это, Камерон разделся, оставив лишь набедренную повязку, и Эвери внезапно обнаружила, что ей трудно говорить, равно как и делать вид, что она абсолютно равнодушна к его стройному, загорелому телу. Усилием воли она заставила себя сосредоточиться на разговоре о Пейтоне.

– Когда-нибудь он женится, но не сейчас, не из-под палки и не на той девушке, которую не хочет видеть своей женой.

– Если он не собирался жениться на моей сестре, незачем было с ней спать.

Высказавшись, Камерон связал их запястья и улегся на кровать, а Эвери вдруг захотелось избить его до полусмерти. Она пыталась оправдать действия Камерона, но в то же время ее не покидала уверенность, что сестра его обманула, вот только как заставить его в это поверить?

Да и стоит ли пытаться? Камерон уверен, что сестра его не способна на обман, так же как и Эвери никогда бы не поверила, что Пейтон может совершить бесчестный поступок. И спорить с Камероном по этому поводу – все равно что биться головой о каменную стену. Но Эвери не собиралась сдаваться. Она должна защитить Пейтона. Может быть, в конце концов ей удастся заронить в душу Камерона сомнение, заставить задуматься над тем, можно ли безоговорочно верить сестре? И может быть, он наконец поймет, что она лжет?

– Когда ты в последний раз видел свою сестру? – спросила она.

Камерон задумался.

– До того, как я приехал во Францию, то есть больше двух лет назад.

– А я видела Пейтона всего несколько месяцев назад.

– И что?

– А то, что я знаю своего брата лучше, чем ты свою сестру.

– Ни одна девушка не станет заявлять, что ее лишили невинности, если это не так! – закричал Камерон, злясь на то, что в словах Эвери есть своя логика. Он и в самом деле не может утверждать, что хорошо знает свою сестру.

Эвери презрительно фыркнула:

– Станет, если посчитает, что это поможет ей получить желаемое.

Камерон и сам придерживался того же мнения, поэтому спорить не стал.

– Значит, по-твоему, твой братец настолько замечательный человек, что моя сестра вознамерилась его заполнить?

– Он молодой, сильный, красивый, владеет многими землями и богат.

«Мимо такого и в самом деле ни одна девица не пройдет», – сердито подумал Камерон. Похоже, задуманный им план не срабатывает. В словах Эвери есть резон, а ему нечем крыть и остается только злиться. Кроме того, Камерон в любом случае не собирался отказываться от своего плана.

– Значит, он будет моей сестре отличным мужем, даже если он и развратник.

– Тупоголовая скотина! – не выдержала Эвери.

– Не стоит оскорблять человека, от которого зависишь, детка.

– Неужели ты не можешь оставить моего брата в покое хотя бы в благодарность за то, что я спасла твою ничтожную жизнь?

– На это не надейся. Моя сестра мне дороже. А вот с тобой я решил поступить по-другому. Я не буду лишать тебя невинности и покрывать твое имя позором.

– А ты мог это сделать? – Эвери даже задохнулась от негодования.

– Были у меня такие мысли. Ведь твой брат очернил имя моей сестры. Но теперь я передумал.

– Какое благородство! – фыркнула она.

Эвери повернулась к нему спиной. До сих пор она не слишком задумывалась над тем, как именно Камерон собирается ее использовать, помимо того, что лишит ее невинности. Ей было больно сознавать, что он мог бы придать ее позор широкой огласке, она приказала себе не глупить. Камерон считал, что его сестра опозорена. Ему наверняка сказали, что этот ее позор ни для кого не является секретом. Естественно, он решил, что Пейтон тоже должен испытать боль, узнав, что его сестра подверглась такому же унижению. В какой-то момент Эвери даже пожалела, что он изменил свой план. Интересно было бы узнать, как долго он будет держать ее на расстоянии. Но потом она приказала себе не быть идиоткой. Такие вещи лучше не знать.

Неожиданно Эвери пришла в голову интересная мысль: поскольку Камерон не станет рассказывать об их отношениях ее родным, может быть, стоит самой сообщить им об этом? Причем подчеркнуть, что это не Камерон надругался над ней, а она сама, добровольно, ему отдалась. Стоит ли пойти на такой шаг, чтобы попытаться завоевать его сердце?

– Спи спокойно, Эвери, – прошептал Камерон.

– А тебе пусть всю ночь снятся кошмары, – буркнула Эвери и вздохнула, когда Камерон рассмеялся.

Она закрыла глаза, но сон не шел к ней. Что ее ждет впереди, она не знала и пока не узнает, даже если будет бодрствовать всю ночь. Ей предстоит принять нелегкое решение, и Эвери уговаривала себя как следует отдохнуть, чтобы подумать об этом на свежую голову.

Глава 7

Эвери была объята яростным огнем желания. Теплые губы и крупные сильные руки, ласкающие ее, заставляли трепетать от наслаждения. Обняв распростертого на ней мужчину, Эвери задохнулась от восторга, когда он начал ласкать ее груди. Она нетерпеливо выгнулась ему навстречу и услышала его

тихий стон.

Этот хрипловатый зов страсти пробился сквозь ее затуманенное сознание, и она очнулась. Камерон искусно соблазнял ее, и она не сопротивлялась. Наоборот, ей хотелось, чтобы эта блаженная пытка не кончалась никогда. Но, призвав на помощь всю силу воли, Эвери заставила себя отстраниться. Нельзя терять голову, если она не хочет остаться потом с разбитым сердцем. Схватив Камерона за руки, Эвери почувствовала одновременно и радость, и обиду оттого, что он сразу перестал ее ласкать.

– Ты подлый, мерзкий распутник, Камерон Макалпин! – нетвердым и все еще хриплым голосом вскричала она.

– Мне уйти? – спросил он.

– Да.

– Но почему? Ясно же, что ты меня хочешь. – Он коснулся пальцами ее затвердевших сосков, и Эвери содрогнулась.

– Самодовольный негодяй! А ну-ка убирайся!

Секунду помешкав, Камерон откатился в сторону. Быстро развязав связывающую их руки веревку, он встал с кровати. Камерон сознавал, что если прямо сейчас не отойдет от Эвери как можно дальше, то потеряет контроль над своими чувствами. Соблазнять ее сонную, конечно, непорядочно. Как же низко он пал! И не хотел пасть еще ниже, чтобы добиться желаемого. Однако невозможно забыть, как радостно и щедро отвечала Эвери на его ласки и каких трудов ей стоило сказать «нет». Пусть поступил не слишком честно, но он знал, что при первом удобном случае снова так поступит.

Вид стоявшего рядом с кроватью голого Камерона не способствовал обретению спокойствия, и Эвери вздохнула с облегчением, когда он начал одеваться. Несколько раз глубоко вздохнув, она попыталась хотя бы сделать вид, что абсолютно к нему равнодушна. На самом же деле тело ее было объято огнем. Несколько долгих минут прошло в томительном молчании, и, когда Камерон так же молча направился к выходу из палатки, Эвери не выдержала.

– Ты что, злишься на меня? – насмешливо бросила она ему вслед.

– Нет, – ответил Камерон, обернувшись. – Просто хочу уйти, чтобы не овладеть тобой, наплевав на твое «нет».

Эвери села в постели. В его темных глазах вспыхнул огонь, и она поняла, что он бы предпочел видеть ее лежащей на спине. Приятно сознавать, что он ее хочет, но Эвери была согласна с тем, что в данный момент его решение уйти от нее было единственно верным. Но она не могла оставить его самодовольное высказывание без ответа.

– И снова услышишь «нет»!

– Неужели? Что ж, если губы твои и произнесут это слово, то твое тело скажет «да». Как было всего несколько минут назад.

– Оно лишь бессознательно отозвалось на твои искусные ласки, и то лишь потому, что ты застал меня врасплох, когда я спала, – насмешливо проговорила Эвери и сразу пожалела о том, что позволила себе насмехаться над Камероном: подскочив к кровати, он схватил ее в объятия и запечатлел на ее губах такой страстный поцелуй, что она чуть не потеряла сознание.

Камерон злился, что пошел у нее на поводу и так бурно отреагировал на ее насмешку. Он уже начал успокаиваться, а теперь страсть разыгралась в нем с новой силой. Но не мог же он согласиться с ее утверждением, что она якобы бессознательно отозвалась на его ласку! Он хотел доказать ей, что только он способен вызвать в ней бурю желаний. «Тщеславие, – усмехнулся про себя Камерон. – Простое тщеславие. И все-таки последнее слово должно остаться за мной».

– Ты меня хочешь, детка, – сказал он, прикрепляя к поясу меч. – Скоро ты и сама поймешь, что отказываться от удовольствия, которое мы могли бы получить, просто неразумно.

Пока Эвери готовилась дать ему достойный ответ, Камерон уже откинул полог палатки. Выходя, он столкнулся с юным Дональдом, который пришел помочь ему одеться, и неожиданно смутился. Увидев, что Камерон закрыл за собой вход в палатку, Эвери с облегчением вздохнула. Слава богу! Теперь она наконец-то

успокоится.

Она умылась и оделась в старое, штопаное-перештопаное платье, размышляя над тем, как ей вести себя дальше. Ее бесило, что у Камерона хватает наглости заявлять, будто она его страстно желает. Хотя это чистая правда. Она и в самом деле вспылала к этому негодяю бешеной страстью, причем с первого же взгляда. Мало того, она готова сдаться на его милость, но лишь при одном условии: если убедится, что он испытывает к ней не одно лишь желание, а более глубокие чувства. Впрочем, Эвери знала, что существуют мужчины, которым требуется сначала получить от женщины все, что она способна им дать, а уж потом они начинают разбираться в своих чувствах. И Камерон, наверное, один из них.

Можно, конечно, сделать так, что Камерон никогда ее не забудет. Для этого достаточно просто не удовлетворить его страсть. Но, к сожалению, даже в этом случае он не будет долго о ней помнить. Пара ночей в объятиях опытных куртизанок – и память о невинной девочке по имени Эвери, не подарившей ему свои ласки, испарится без следа. А она хочет, чтобы при воспоминании о ней дрожь пробегала по его телу, дыхание учащалось, сердце колотилось в груди как бешеное и он до конца своих дней не мог забыть ее нежные ласки, ее страстные объятия. И чтобы ни одна женщина, с которой сведет его судьба, не смогла вытеснить Эвери из его сердца. Чтобы он страдал не от неудовлетворенного желания, а от того, что не может и никогда не сможет найти ей достойную замену.

Единственная проблема заключалась в том, чтобы предоставить Камерону то, что он жаждет получить, но при этом сделать так, чтобы он не чувствовал себя победителем. Следовательно, нужно самой его соблазнить. Если она проявит инициативу, его это поразит в самое сердце. Да, план, несомненно, хорош. Главное – дать Камерону понять, что он сам ринулся в расставленные сети.

Выйдя из палатки, Эвери сразу увидела Джиллиану. Она вместе с другими женщинами готовила еду. Эвери поспешила к ним и тоже взялась за дело. Помимо приготовления пищи, она должна еще ухаживать за ранеными. В этом Эвери помогали четыре женщины. Три из них – Джоан, Мэри и Тереза – были удивительно похожи друг на друга: невысокого роста, пухленькие, темноволосые и кареглазые. Четвертая, Энни, жена Раналда – одного из самых старых солдат Камерона, – сильно от них отличалась. Она была высокого роста, черноволосая, полногрудая, искренняя и любила покомандовать. Впрочем,

Джоан, Мэри и Терезе нужна была твердая рука. Женщины были милы, исполнительны, но не более того. Ухаживая за Питером, Эвери услышала, как женщины возбужденно заспорили на жуткой смеси французского, гэльского и искаженного английского о том, кто из них лучше печет овсяные лепешки. Эвери и Энни переглянулись. Джиллиана попыталась утихомирить спорщиц, и ухмылка Эвери стала еще шире.

– Интересно, как они понимают друг друга? – удивилась Эвери, качая головой.

В ясных серых глазах Энни вспыхнули задорные искорки.

– Это только когда они злятся, кажется, что они шипят, словно рассерженные гусыни. На самом деле француженки очень быстро выучили английский язык. А малышка Тереза даже немного говорит по-гэльски. Эти две француженки вовсе не глупы. Они прекрасно понимают, что чем больше они будут знать, тем более прочное положение займут в Кейнморе, вот и стараются изо всех сил.

Убедившись, что Питер спит, Эвери повернулась к Энни:

– Ты хорошо знаешь сестру Камерона?

– Да нет, не очень. Ведь я всего лишь жена воина, имеющего невысокое звание.

– И все-таки какая она?

– Я не должна плохо говорить о сестре лэрда. – Энни вздохнула и покачала головой. – Но мы обязаны тебе и малышке Джилл своей жизнью. Поскольку наш лэрд, судя по всему, не собирается даровать вам обеим свободу, будет только справедливо рассказать тебе о том, что ожидает вас в Кейнморе. – Энни встала и помогла Эвери подняться. – Пойдем нальем себе немного вина, сядем в тенечке и поболтаем.

Эвери не заставила себя долго упрашивать. Удобно устроившись под большим деревом, она спросила:

– Ты думаешь, если я буду больше знать о сестре Камерона, это изменит мое положение?

– Может, и не изменит, – пожала плечами Энни, – однако поможет понять. А ты вправе знать кое-что о девице, чья ложь втянула тебя в такую беду. – Энни поморщилась. – Я бы не стала называть родную сестру лэрда лгуньей, хотя многие из наших людей считают, что она либо такая и есть, либо ошиблась в своих обвинениях. – Эвери сердито нахмурилась. – Девочка всю жизнь росла без матери, которая умерла вскоре после ее рождения. Старый лэрд скончался, когда она была еще ребенком. Есть у нее тетушка, но если ты назовешь этих трех стрекочущих без умолку трещоток глуповатыми, то тетю Агнес ты и вовсе сочтешь непроходимой дурой. Она милая, добрая, но ужасно доверчивая. Ее любой обведет вокруг пальца. Сэр Йен, кузен лэрда, хороший человек, но ничего не смыслит в воспитании детей. Наш лэрд старался изо всех сил, пытаясь достойно воспитать сестру, но тогда он и сам был еще мальчишкой.

– Так, значит, Камерон был сестре и отцом, и братом и теперь испытывает вину из-за того, что не сумел вырастить ее скромной девушкой?

– Совершенно верно. Кэтрин на редкость испорченная девица. Она необыкновенно хороша собой, во всяком случае, была перед нашим отъездом. Ей не было еще и шестнадцати, а она уже успела вскружить голову не одному парню. Когда она что-то хочет, непременно получает желаемое. Ее тетя и лэрд не могут ей ни в чем отказать.

– И теперь она захотела получить моего брата, – вздохнула Эвери и сделала глоток вина. – Чтобы быть испорченной, сначала надо стать богатой. Я думала, что Камерон нанялся в наемники...

– Из-за бедности? Нет. Просто ему захотелось сменить обстановку и поразмяться. Говорят, он разочаровался в любви... А вскоре дал обет безбрачия.

Эвери удивленно захлопала ресницами, и внезапно ей припомнились слова, услышанные в тот день, когда ее похитили.

– А когда он дал этот обет?

– Почти три года назад. И насколько я знаю, еще ни разу ему не изменил.

Эвери пришла в смятение. Может быть, Камерон возжелал ее лишь по той причине, что долго не был с женщиной? Чувствуя, что это не так, она не

находила себе места. Энни потрепала ее по руке, и Эвери вздрогнула от неожиданности.

– Не думай, что именно по этой причине наш лэрд воспылал к тебе нежными чувствами.

– Не поняла...

– До сих пор он оставался равнодушен ко всем девицам, а их немало вешалось ему на шею. Но стоило ему увидеть тебя, как его словно подменили. Не забывай, что он мужчина и потому пытается себя убедить, что возжелал тебя лишь по причине долгого воздержания, хотя вряд ли в это верит. Но что бы он себе ни внушал, как бы себя ни уговаривал, он хочет тебя потому, что ты – это ты. И все-таки я не думаю, что он изменит свое решение воспользоваться тобой, чтобы заполучить твоего брата в мужа Кэтрин, во всяком случае, пока не убедится, что она лгунья.

– Так, значит, вы тоже считаете, что она лгунья... А Джиллиана мне говорила, будто вы все хотите, чтобы мой брат дорого заплатил за свой проступок.

– Сначала мы считали его виновным, но теперь многие из нас уже не так в этом уверены. Чем больше мы думаем обо всей этой истории, тем больше убеждаемся в том, что нашему лэрду известна не вся правда, вернее, он не знает всего, что произошло на самом деле. – Энни ласково улыбнулась. – А теперь, узнав тебя и малышку Джиллиану, мы и вовсе пришли в вывод, что твой брат не смог бы совершить бесчестный поступок, а если бы и совершил, ты не стала бы так упорно его защищать. Но важно не то, что считаем мы, а то, что считает наш лэрд. А он, видно, не способен смотреть трезво на вещи, когда речь идет о Кэтрин.

– Теперь я понимаю... – Эвери захотелось узнать, почему Камерон дал обет безбрачия. – Он потерпел разочарование в любви? Обычно из-за этого не дают обет безбрачия.

– Дело тут не в любви. Думаю, он и не был влюблен. Но в последнее время все девицы, с которыми он знакомился, его предавали. Мы считаем, он просто увлекался не теми, кем следовало бы.

– А, знаю какими. Светлые волосы, голубенькие глазки, огромные груди. Из тех, что кокетливо улыбаются, хлопают ресницами и ходят, вихляя бедрами. Которые ахают и охают по поводу и без повода и ловко используют все средства, чтобы дать мужчине почувствовать, что они без него пропадут. – Энни расхохоталась, и Эвери, улыбнувшись, продолжила: – Из тех, что считают, будто хорошенького личика и шаловливых ручек достаточно для того, чтобы захомутать любого мужчину, и они ждут слишком многого в обмен на свои скудные таланты. Не хотелось бы мне думать, что Камерон способен потерять голову из-за таких вот пустоголовых красоток, которые сначала заманивают его в свои сети, а потом бросают.

– Все мужчины такие. По крайней мере до тех пор, пока не влюбятся по-настоящему. Но и влюбившись, они все равно не пропустят ни одну красотку. Порядочный мужчина хранит верность одной женщине, но это не означает, что он остается равнодушным к большим голубым глазкам, золотистым кудряшкам и пышной груди.

– Значит, они идиоты. – Эвери вздохнула, встала и машинально отряхнула юбку. – За работу!

– Так ты собираешься подчиниться нашему лэрду? – спросила Энни, вставая.

– Подчиниться? Звучит очень похоже на «сдаться». Девушки из рода Мюррей не сдаются. Или делают это крайне редко. – Эвери задумчиво улыбнулась и подмигнула Энни. – Нет, я буду действовать по-другому.

– Мне кажется, ты уже многого добилась.

– Да, но теперь настало время для последнего удара. Он привык к отказам и оскорблениям, и я решила сбить его с толку. Я буду действовать лаской. – И, весело смеясь, она отошла от Энни.

Всю оставшуюся часть дня Эвери удавалось избегать Камерона. Сделать это оказалось совсем не сложно. Он был занят проверкой постов и заградительных сооружений вокруг лагеря, возведенных на случай нападения неприятеля. Сама Эвери большую часть времени занималась ранеными, в частности юным Питером, который поправлялся с удивительной и радующей всех быстротой.

Мало-помалу Эвери обнаружила, что люди Камерона не одобряют его поведение. Они считали, что Эвери и Джиллиану следует отпустить на свободу в награду за то, что они спасли им жизнь. Эвери поняла, что, если они с Джиллианой вновь попытаются бежать, мало кто из людей Камерона бросится за ними в погоню. Проблема заключалась в другом – она больше не хотела убегать.

И это нежелание сильно ее беспокоило, потому что Эвери казалось, что тем самым она предает Пейтона. Конечно, Пейтон не станет винить ее за то, что она поступила по велению сердца, однако Эвери подозревала, что сама будет себя винить, особенно если ей не удастся завоевать сердце Камерона. Если она победит, все проблемы будут решены: Камерон не отпустит ее от себя и не станет использовать против брата. Возникал вопрос: имеет ли она право так рисковать, ведь в случае поражения расплачиваться будет именно Пейтон?

– Что теперь тебя беспокоит? – спросила Джиллиана, усаживаясь рядом с кухней у палатки Камерона. – Я надеялась поужинать в более веселой компании.

– Просто я пришла к выводу, что сейчас, когда мы с легкостью могли бы сбежать, мне не хочется этого делать, – грустно произнесла Эвери. – А потом, это нечестно по отношению к Пейтону. Он не хочет брать в жены Кэтрин, эту эгоистку и лгуницу, а если я останусь, его заставят на ней жениться.

– Но ведь ты в этом не виновата.

– Если я не сделаю все, чтобы Камерон отказался от своего замысла, я буду считать себя виноватой.

– Ну разве что самую малость. Ты же любишь этого идиота, и у тебя есть шанс заставить его тебя полюбить. Пейтон поймет, почему ты осталась с Камероном. И кроме того, мы же пытались бежать, и даже дважды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/hauell_hanna/dama-moego-serdca

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)